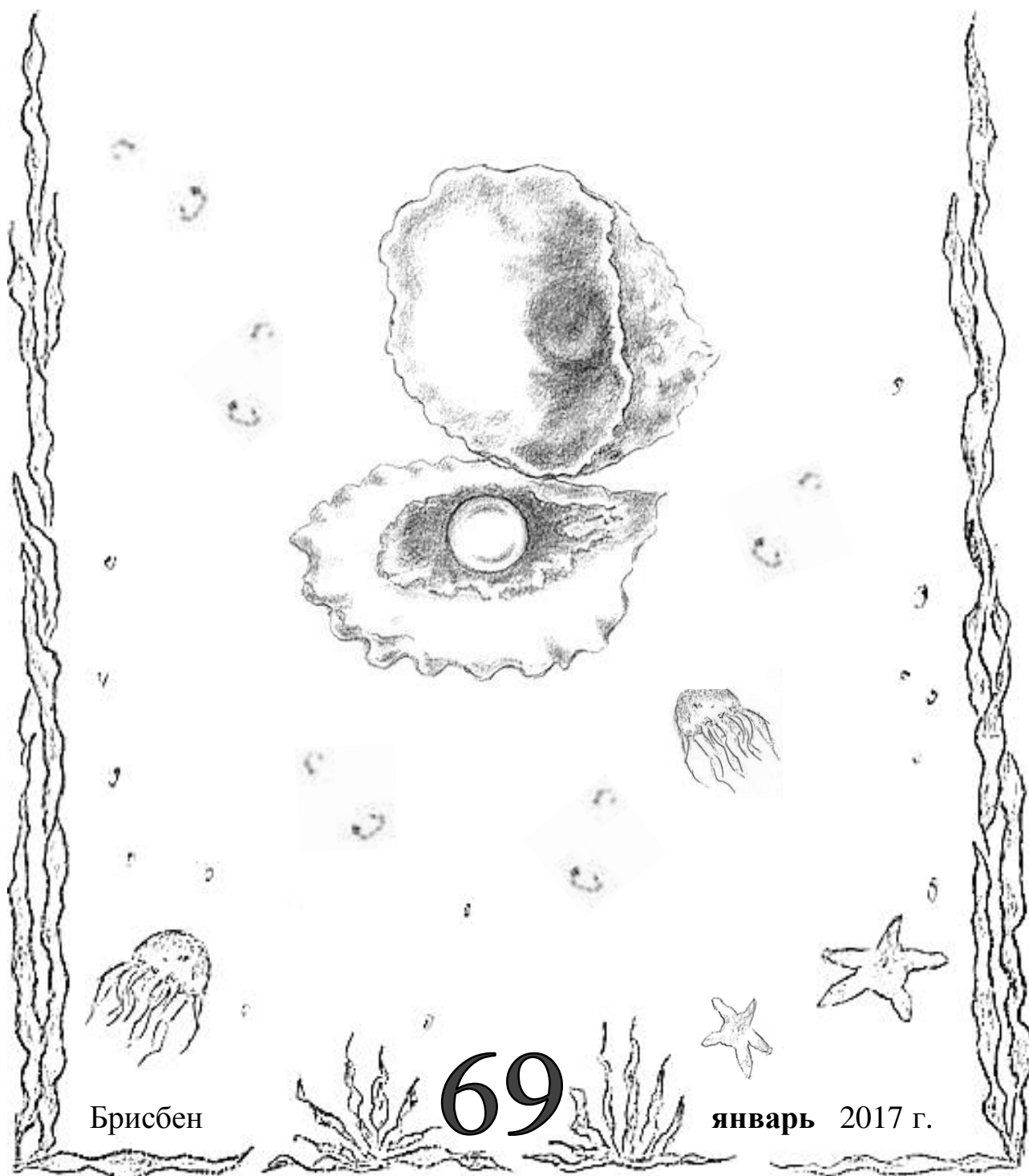

ЖЕМЧУЖИНА

Литературно-художественный образовательный журнал

«The Pearl» / «Zhemchuzhina» № 69 Brisbane, Australia, January 2017

Брисбен

69

январь 2017 г.

“The Pearl” / “Zemchuzhina”

Literary and Educational Journal in the Russian Language.
Published and printed by the Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”
Brisbane, Australia.

«Жемчужина»

Литературно-художественный образовательный журнал.
Выпуск - 4 раза в год.

Copyright © Tamara Maleevsky - The Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”

This publication is copyright. Apart from any fair dealing for the purposes of private study, research, criticism or review, as permitted under the Copyright Act, no part may be reproduced by any process without written permission of the Editor.

National Library of Australia cataloguing-in-publication data
“The Pearl” / “Zemchuzhina” - Literary and Educational Journal in the Russian Language

Index

ISSN 1443-0266

Signed articles express the opinions of the authors and do not necessarily represent the opinions of the editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”.

“Zemchuzhina” (“The Pearl”) is a magazine published at the Editor’s own expense as a non-profit publication for the Russian society, consequently, it does not offer any honorariums, stipends or other remuneration to its contributors.

Взгляды, высказываемые авторами в своих статьях, не обязательно совпадают с мнением редакции.

Журнал «Жемчужина» выпускается исключительно на личные средства издателя для русского общества и не преследует коммерческих целей. Следовательно, издатель не выплачивает никаких гонораров, стипендий или иных вознаграждений авторам, труды которых он печатает.

Редакция оставляет за собой право сокращать рукописи и изменять их стилистически.

Рукописи, не принятые к печати, не обсуждаются и не возвращаются.

Адрес для связи:

tamaleevpearl@optusnet.com.au или tamaleevpearl@gmail.com

*Просьба: посылая работу по E-mail, обязательно делать пометку - “For Pearl”.

Tel: редакция - (07) 3161-49-27 mobile: 0404559294

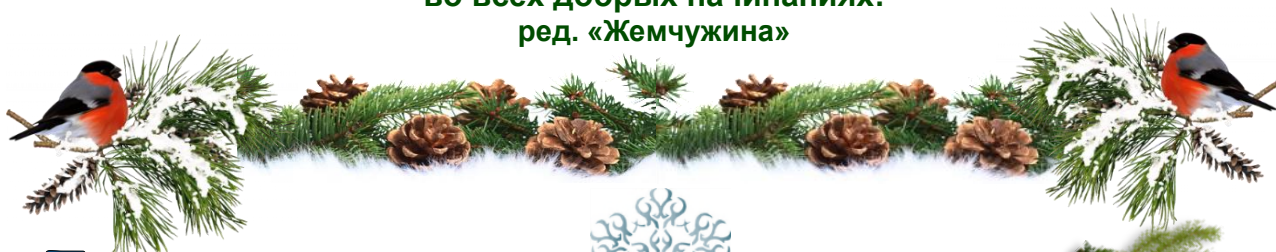
Сайт журнала в Интернете - <http://zemchuzhina.yolasite.com>

Цена отдельного номера - \$ 6 плюс \$ 2.10 пересылка по Австралии и упаковка.

Стоимость годовой подписки (4 журнала), включая пересылку по Австралии - \$ 35.00

**Поздравляем читателей, подписчиков и друзей журнала «Жемчужина»
с Рождеством Христовым и Новым 2017 годом!
Желаем всем МИРА, здоровья, счастья и успеха
во всех добрых начинаниях!
ред. «Жемчужина»**

Предновогоднее

Населённый нелюдью и зверем,
Лес закрыт на ледяной замок.
Что ни дерево, то белый терем,
Что ни куст - то белый теремок.

Но жильцов к дверям не допроситься,
В окнах тьма, над крышей ни дымка.
Не откроет терема лисица,
Не откроет заяц теремка.

Потому что все ночные страхи
Вылезли в лесу на лунный свет.
Словно тени, бродят росахи,
Рысь и волк трусят за ними вслед.

Много всякой нечисти летучей
Метит на Снегуркино жильё.
Только Дед Мороз на этот случай
Зарядил трескучее ружьё.

У него бессонница сегодня.
Зорко он следит исподтишка,
Чтоб никто до ночи новогодней
Не украл волшебного мешка.

30.12.1973.   **А.В. Семёнов**

Зима

Поля затянута недвижной пеленой.
Пушисто-белыми снегами.
Как будто навсегда простился мир с Весной,
С ее цветками и листками.

Окован звонкий ключ. Он у Зимы в плену.
Одна метель поет, рыдая.
Но Солнце любит круг. Оно хранит Весну.
Опять вернется Молодая.

Она пока пошла бродить в чужих краях,
Чтоб мир изведаль сновиденья.
Чтоб видел он во сне, что он лежит в снегах,
И вьюгу слушает как пеняе.

Константин Бальмонт

Зима

Январского леса убранство
Щемящим морозом прижглось.
Зажатое в сопках пространство
Метелью прошито насквозь.
И вдребезги воздух расколот,
И злые позёмки метут...
И всё ж – не один только холод,
Другое мне видится тут.
Пусть вьюга над лесом кружится,
Взметая сугробов холмы,
Я знаю, - под снегом таится
Творящая сила зимы.
Едва перестанут деревья
Досматривать зимние сны,
Как хлынет в поля за деревней
Апрель половодьем весны.
Ручьёв молодому разбегу
Так рад будет леса уют...
И славу январскому снегу
Июньские грозы споют.

С.А. Смоляков

Зима – это север...

Зима – это север, а север мне ведом,
Он стал моим другом, не просто соседом.
И сам не припомню, как отдал я душу
За снег и метели, за лютую стужу,
За белые сопки, за льдистые храмы,
Где выкован русский характер упрямый.
Зима - это север, вот снова и снова
Мне слышится посвист знакомого зова.
Я летние рифмы сгребаю в охапку:
Купите за тёплую шубу и шапку!

1973. А.В. Семёнов

Ода Петуху

Ave, homo, morituri te salutant!

Да здравствует Человек, идущие на смерть приветствуют тебя!

Воспеть куриную породу
Пришла пора в год Петуха.
Поддержим ветреную моду.
Печаль по-зимнему тиха...

О, ветер вдохновенья, я бы
О нём хотела рассказать!
Сойдите, солнечные ямбы,
Пролейся, чистая слеза!

Судьба его была близка нам.
Он в диком напряженье жил
Был бунтарём и хулиганом,
Но Человеку он служил!

Умолк Расин, Корнель, когда бы
Орла такого повстречал,
Осмыслил жизнь и подвиг Рябы,
Чей путь нас с детства восхищал!

В златые годы, в детстве раннем,
Получен горестный урок:
Был в сердце лицедеем ранен,
Плясал от муки плимутрок.

Петух бойцовский пал в сраженье.
Он был бесстрашен, как Ахилл:
Теряя кровь и оперенье,
О милости не попросил.

Напротив – шёл с высоким килем –
Он гордым был, как матадор.
Шаги в бессмертие легки ли?
И так ли прост лихой задор?

Леггорны, брамы, виандоты
(О как же боль мне превозмочь?)
Под нож легли, как гугеноты
В Варфоломеевскую ночь!

Прощал нас благородный кочет...
Петух – судьбы моей звено!
Пусть он сегодня напророчет
Найти жемчужное зерно!

Петун, петёк, драчун, засланец –
Любовно величаем Вас!
Ангажемент на белый танец –
Позвольте пригласить на вальс!

Забудем, Gallus, наши ссоры!
Звезда полночная, гори!
Звенят серебряные шпоры,
И раз-два-три, и раз-два-три!

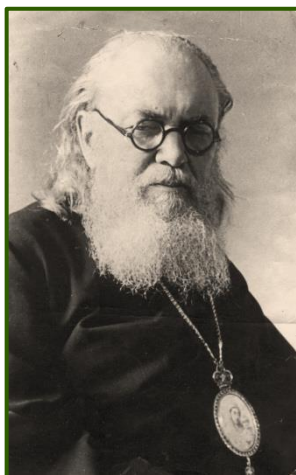
Хабаровск.

Н.П. Гребенюкова.

Проповедь Св.-Луки Войно-Ясенецкого - Молитва Св. Ефрема Сирина:

О празднословии

*Господи и Владыко живота моего,
дух празднословия не даждь ми!*

...И святой Ефрем молится об этом, и святой пророк Давид говорит в псалме своем: *Положи, Господи, хранение устам моим и дверь ограждения о устах моих.*

И Сам Господь Иисус Христос сказал, что за всякое праздное слово дадим мы ответ на Страшном Суде. Вдумайтесь, как это серьезно, как тяжело: за каждое, за единое праздное слово дать ответ...

А скажите, разве есть что-либо другое, к чему относились бы легче, чем к слову? Удивительно, поразительно, как люди не понимают огромного, колоссального значения слова человеческого. Наша способность слова в значительной мере уподобляет нас Самому Богу. Бог словом сотворил весь мир, слово Божие имеет огромную, могущественную силу. Знаете, что пророк Илья словом воскрешал мертвых, словом своим останавливал дождь, заключал небо и вызывал этим голод, низводил дождь на землю...

В чем же сила, заключающаяся в слове? Не думайте, что вырвавшееся из уст слово рассеивается в воздухе, и не остается от слова ничего. Это неверно. Слово живет, живет столетия, тысячи лет. До сих пор живут слова, которые изрекали великие Божии пророки, жившие за много столетий до Рождества Христова. Великие слова Моисея, великие слова, которые некогда говорили святые апостолы, те слова, которые изошли из уст подвижников Божиих, учение Церкви Божией, живы в течение тысяч лет...

А если слово живет тысячи лет, значит, это нечто чрезвычайно важное. Слово, исходя из уст наших, всегда производит действие, чрезвычайно глубокое на окружающих нас людей, даже на удаленных от нас людей.

Каждое доброе, мудрое слово живет в сердцах людских и приносит благие плоды на долгие годы. Всякое злое слово - клевета, ложь, злословие - тоже живет чрезвычайно долго, много лет, вселяется в умы, в сердца и близких, и далеких людей, направляет их мысли, их желания. Слыша злые наши слова, отравляются ими, подражают нам и испускают такие же злые, ядовитые слова.

Благодатные и мудрые слова святых созидают правду в мире, творят вечное добро, а злые, греховные слова приносят безчестье, ненависть, приносят огромный вред людям окружающим, даже всему человечеству...

Слова живы, несутся как волны радио, несутся в пространстве и вливаются в сердца и умы людей. Слова - огромная сила, соединяющая или разъединяющая людей. Соединяющая, когда слово полно правды и истины; разъединяющая, когда оно полно клеветы и злобы к людям. Если бы люди были лишены слова, уподобились бы они животным, и жизнь человеческая была бы расстроена. Вот как велико, как глубоко значение человеческого слова. Вот почему молится святой Ефрем об избавлении от празднословия, от пустословия.

Вы все встречали в жизни немало людей, особенно женщин, которые болтают, болтают и болтают без конца, неудержимо, и не знает при этом язык их никакой усталости: мелет, мелет и мелет. Все, что говорят они, пусто, никому не нужно. И Ефрем Сирийский молит Бога избавить его от празднословия. Боялся он пасть, чтобы язык не погубил его, а эти несчастные болтуны ничего не боятся.

Вы знаете, что этих пустословов часто люди терпят - болтают, и пусть себе болтают! - а им кажется, что слушают их с удовольствием; не знают того, что в глубине сердца все тяготеет к ним, ненавидят их. Так велико зло празднословия, зло, которое причиняют болтовней своей.

Если язык болтает и празднословит, то и мысли блуждают, не сосредотачиваясь ни на чем глубоком, истинном, важном, блуждают безцельно повсюду, как блуждает несчастная дворняжка, виляя хвостом. Как их мысли, так и чувства, так и направление их желаний, их деятельность - всё пусто, ничтожно. Душа голодает, человек противен другим, себе самому причиняет тяжкий, тяжкий вред. Вот каково значение празднословия.

Люди мудрые, живущие жизнью духовной, никогда не празднословят, они всегда молчаливы, сосредоточенны. В Древней Греции в чрезвычайном почете были философы и мудрецы. Философы не принимали к себе в ученики никого прежде, чем человек не докажет, что умеет молчать. А разве экзамен молчания выдержал бы теперь кто-либо из празднословящих? Конечно, нет.

Если так тяжел порок празднословия, как отделаться от него, что делать с неудержимым языком нашим? Нужно делать то, что делал Ефрем Сирийский: нужно молить Бога об избавлении от этого порока, и подаст просимое Господь Иисус Христос.

Нужно избегать общения с людьми празднословящими, подальше, подальше уходить от них, искать общества немногих мудрых, которые отверзают уста свои, чтобы сказать что-либо полезное, от кого не услышишь праздных, душевредных слов. Чрезвычайно внимательно следить за собой, приобрести привычку наблюдать, что говорите, чем занят язык ваш, привыкнуть держать язык в узде. Не позволяйте ему праздно болтать. Припоминайте вечером, что говорили днем, не болтали ли, не оскорбили ли кого, не лгали ли, не ябедничали ли. Если усвоите эту привычку, то привыкнете следить за языком, за каждым движением и сдерживать его. Помните, чем больше человек сосредоточен на главном, внутреннем, на истинном, чем больше времени полагает на чтение Евангелия, Священного Писания, творений святых отцов, тем более проникается их мудростью и тем больше теряет охоту праздно болтать. Приобрести власть над языком - дело великое.

Апостол Иаков в соборном послании своем говорит: Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело (Иак. 3, 2).

Понимаете ли, что значит обуздать все тело? Это значит, подчинить тело высшим целям духовной жизни, обуздать все похоти, страсти, всё дурное, к чему влечет плоть. Начните с обуздания языка, и если достигнете этой цели, стяжите совершенство и обуздаете все тело ваше. А если обуздаете все тело свое, будете чисты и праведны пред Богом. Этой чистоты и праведности да сподобит вас всех Господь, а молитва Ефрема Сирина да будет всегда напоминать об этом.

Аминь.

Помолись за меня

Помолись за меня в тишине православного храма,
там, где старенький граф перед паствой молитву творит,
помолись за меня - я ведь тоже потомок Адама
и бессмертный мой дух над водою и твердью парит.
Был вчера ещё здесь, а сегодня - меня поминают,
скоротечен момент, незатейлив и скромн итог,
и неважно теперь, что никто никогда не узнает,
получилась ли жизнь, или был это только намёк.
По тарелкам весов, к счастью, нам не раскладывать гири
и не нам рассуждать, по заслугам ли Вышний воздал,
поезд всё ещё мчит и не вышли его пассажиры,
но в окошко видать - впереди уже вырос вокзал.

Сайт «Свете Тихий»

Юрий Берг. Германия.

**в храма Святителя и Чудотворца Николая (Франкфурт)
служит настоятелем граф Дмитрий Леонидович Игнатъев.*

Тайны старых книг

У книг, как у людей, бывают свои судьбы. В моей домашней библиотеке есть книга (точнее, это шеститомник) с совершенно необычной судьбой.

Октябрь уж наступил - уж роца отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей...

Как-то в такой осенний тихий день я зашла в букинистический магазин Хабаровска. За стеклянной витриной стоял шеститомник Александра Сергеевича Пушкина, выпущенный издательством "Брокгауз и Ефрон" в 1907 - 1911 годах. Этот книжный шедевр до сих пор считается лучшим изданием Пушкина, когда-либо выходившем в России.

С тех пор шеститомник живет в моем доме, я частенько беру его в руки и погружаюсь в далекую пушкинскую эпоху. В нем действительно удалось сохранить дух и душу того времени, когда друзьям предлагалось: "Поговорим о бурных днях Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви..." Для печати был даже заказан старинный шрифт, который использовался в пушкинские времена. Страницы книг украшают искусно подобранный орнамент, виньетки, концовки, заставки - все говорит о высочайшей книжной культуре.

Как некогда "Евгений Онегин" стал энциклопедией русской жизни, так это издание стало энциклопедией пушкинской жизни. Сами издатели писали: "Мы хотели бы сделать... своего рода пушкинскую энциклопедию, где должно найти место все, что служит к уяснению жизни и творчества великого поэта". И им это прекрасно удалось. Собрание сочинений поэта вышло под редакцией известного в то время критика, библиографа С.А. Венгерова - человека глубоких знаний и тонкого художественного вкуса.

В шеститомнике собраны не только все произведения Александра Сергеевича, но и его автографы, черновые наброски, дневники, опубликованы статьи ведущих пушкинистов того времени. Здесь великолепные иллюстрации: от картин знаменитых художников Репина, Брюллова, Васнецова, Крамского до народных лубочных картинок. Словом, "здесь русский дух, здесь Русью пахнет".

Но судьба этих старых книг необычна в другом. Открывая их, я будто слышу пушкинский голос:

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом?

Да, поэт, даже изданный книгой, по-прежнему гулял по свету, переходя из дома в дом. Иногда надолго останавливался в чьем-то доме, успевал сдружиться с его обитателями, а чаще всего - немного погостит и снова в дорогу. Я купила шеститомник в букинистическом магазине лет двадцать назад и была, конечно, далеко не первым его владельцем. В книге осталось множество помет букинистов, по которым можно проследить всю историю путешествий поэта по бурному двадцатому веку.

Первым владельцем шеститомника Пушкина был некто А. Поляков. Он жил в начале минувшего века, когда и вышло это собрание сочинений. Жил на берегу Амура, в Хабаровске, наверно, в собственном уютном доме-особнячке, окруженным старым тенистым садом. Люди тогда имели привычку читать книги в саду, сидя на скамейке под низко склонившейся яблоней или черемухой. Неторопливо листая страницы, читали про желанную всем "обитель дальнюю трудов и чистых нег".

Такая обитель изображена на экслибрисе Полякова: он сохранился в книгах, благодаря чему я и узнала имя их первого владельца. На экслибрисе - идиллическая картина: сад, фонтан, скамейка... под ними слова "Священны мне всегда и всюду науки". Надо думать, это был девиз жизни самого Полякова. Но увы - в 1924 году он сдал свой драгоценный шеститомник букинисту. В России только что окончилась Гражданская война, всюду царила разруха... в эти дни священной наук оказался хлеб. Так в книгах Пушкина появилась первая отметка букиниста: 20 марта 1924 года. И сумма, за которую их сдали, - 50 рублей. Получив их, Поляков последний раз посмотрел на свои книги и наверно сказал вслед за Пушкиным: "Прощайте, друзья..."

В следующем доме Пушкин задержался надолго, почти на пятьдесят лет. Он пережил с хозяевами трудные времена, его сумели сохранить даже в войну... Поэт, конечно, сдружился с хозяевами. По вечерам, когда все собирались дома, он усаживался вместе с ними на диван и радостно восклицал:

Друзья мои, прекрасен наш союз,
Он, как душа, неразделим и вечен!

Но в 1973 году Пушкина все-таки снова сдали букинисту. С тех пор "им овладело беспокойство, охота к перемене мест". Поэт скитался по домам, нигде не находя надежного приюта. Он переходил из рук в руки, как крупная купюра, оставленная на "черный день". Букинисты проставляли в книгах все новые и новые даты, суммы... По их отметкам я насчитала не менее десяти человек, которым в разное время принадлежала эта книжная редкость, стоившая, конечно, недешево. Трудно сказать, почему люди расставались с Пушкиным. Это осталось их тайной. Хотя, наверно, всякий раз за этим стояла нелегкая жизненная ситуация, когда так хотелось сказать: "На свете счастья нет..."

Сегодня с книгами проще. Можно прочесть любую книгу в электронном виде с компьютера. Но разве заменит это те старые книги со своими судьбами, тайнами и с тихим шелестом страниц? Уходят и такие читатели, каким когда-то был неизвестный Поляков, первый купивший шеститомник "солнца русской поэзии". В своей тихой обители он любил посидеть над книгой с карандашом в руках. В книгах остались его карандашные пометки, четкие буквы еще с "ятами": он что-то подчеркивал, над чем-то размышлял... И, перелистывая страницы, слушая их тихий шелест, чувствовал и душу поэта, и душу золотой русской осени:

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле...

Татьяна Gladких.
Хабаровск.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ СТАРОГО ПЕДАГОГА

"Рассуждают: семья должна идти рука об руку со школой. Да, но только в том случае, если семья благородная, а не купеческая или мещанская, ибо сближение с низшими может отдалить школу от совершенства. Впрочем, из человеколюбия не следует иногда лишать купцов и богатых мещан удовольствия - например, приглашать педагогов на пирог".

"При словах "предложение" и "союз" ученицы скромно потупляют глаза и краснеют, а при словах "прилагательное" и "придаточное" ученики с надеждою взирают на будущее".

"Так как в русском языке почти уже не употребляются фита, ижица и звательный падеж, то, рассуждая по справедливости, следовало бы убавить жалованье учителям русского языка, ибо с уменьшением букв и падежей уменьшилась и их работа".

"Наши педагоги убеждают своих учеников не тратить времени на чтение романов и газет, так как это мешает сосредоточению и развлекает. К тому же романы и газеты бесполезны. Но как ученики могут поверить своим руководителям, если последние сами отдают много времени газетам и журналам? Врачу, исцелился сам! Что касается меня, то в этом отношении я совершенно чист: вот уж 30 лет, как я не прочел ни одной книги и газеты".

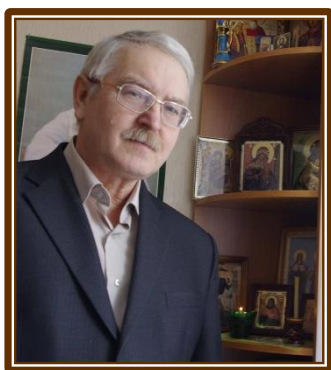
"Преподавая ученикам науки, следует преимущественнейше наблюдать за тем, чтобы ученики непременно отдавали свои книги в переплет, ибо корешком можно ударить по лбу лишь в том случае, если книга переплетена".

"Дети! Какое блаженство получать пенсию!"

А.П. ЧЕХОВ.

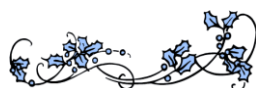
В.К. Невярович: Лебединая песня

Невярович Владимир Константинович: Врач-психиатр, поэт, прозаик, член Союза Писателей России (2006), лауреат Большой литературной премии России (2008), директор благотворительного «Бехтеевского фонда любителей русской старины».

В.К. Невярович родился в 1952 г. в селе Верхнее Турово Воронежской области, в семье учителей. Детство и юность провел Задонске. По окончании средней школы в 1969 г. поступил на лечебный факультет Воронежского медицинского института, который окончил в 1975 г. и стал практиковать сначала, как кардиолог, а с 1982 г. в качестве врача-психотерапевта в лечебных учреждениях Воронежа.

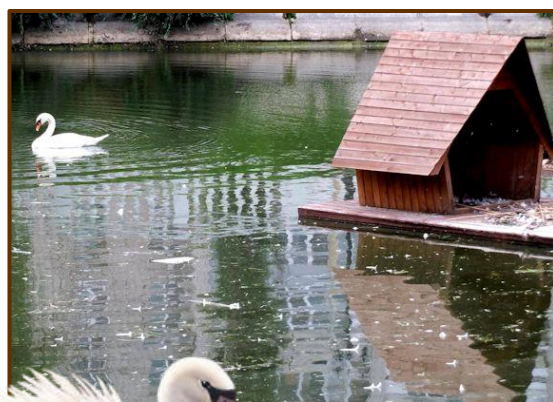
Кроме врачебной деятельности, также занимается писательским трудом. Автор 17 книг православно-патриотической направленности. Первая книга Невяровича «Терапия души» (святоотеческая психотерапия) была издана в 1997 г., а последний труд - «Благословенно Царство» выпущен Санкт-Петербургским издательством «Царское Дело» в 2004 г. и посвящен церковным основам православной монархии. Кроме того, В.К. является автором 4 поэтических сборников; один из них - «В поезде» - является седьмым по счету в его творческом багаже.

Лебединая песня

(из старых блокнотов)

Грязная лужа – искусственный пруд.
Рядом дорога. Машины снуют.
Копоть и гарь вместе с нашим бесчестьем
Вихрем возносятся до поднебесья.
Но, проезжая, дивится народ,
Пруд созерцая, где лебедь живёт.
Маленький домик плавучий в той луже,
Пленник-жилец в нем с весны и до стужи.
Крылья подрезаны (может, привязан?),
Словом, в неволе он жить здесь обязан.
И не вникая потоку машин,
Гордо плывёт он по глади один.
Стан благородный, и дух замирает,
Транспорт невольно свой ход замедляет,
Люди на лебедя жадно глядят,
И сокровенное ловит их взгляд.
Так и поэт в нашей луже житейской
Горько томится в неволе злодейской.
Крылья подрезаны – не улететь,
Песни обязан он новые петь.
Грязь тяготит его, манит свобода,
Но не отъемя себя от народа,
Он из души, изболевшей, больной,
Стих изливает поющей струной.
Поздняя осень. Гирлянды рябин.
Он, как и лебедь, средь мира один.
Силится слиться душой с поднебесьем,
Чтобы допеть лебединою песню.

Задумался Никитин неспроста,
Вокруг царят жаргон и матерщина,
И не поймешь: где женщина, мужчина, –
Но скверной всех наполнены уста.
Где благородство, набожность и честь,
Манеры, благозвучные напевы,
В одеждах русских трепетные девы?
Нет выправки солдатской, правды несты!
Где Русь Святая, странница Небес,
Красоты нив и пенье птиц родимых,
Простор полей, лугов необозримых?..
Весь мир изгадил современный бес...
Поэт, не верь тому, то страшный сон!
Взойдет заря, и каменные вежды
Откроет солнце правды и надежды,
И узришь мир иной - прекрасным будет он!

Димитрий Солунский

Внуку Димитрию

Как символ славы святорусской,
 Как дар Небес и талисман,
 Был дан Димитрий нам Солунский,
 Святой ходатай за славян.
 Пронзенный копьями за веру,
 Он пал как воин и герой,
 Служа безвременным примером
 Несокрушимости святой.
 Его служитель, Лупп смиренный,
 С десницы мертвой перстень снял,
 И кровью омочил священной.
 Больных целить тем перстнем стал.
 Олег, грома Константинополь,
 На греков ужас наводил.
 «То не Олег, - неслися вопли, -
 Димитрий! Он нас победил!»
 Князья российские дарили
 Святое имя сыновьям;
 Молились, храмы возводили, -
 Как будто был он русич сам.
 Татар наш первый победитель
 «Донским» в народе прозван был,
 Его Небесный Покровитель -
 Димитрий, кто в Солуни жил.
 И первый русский Царь не даром
 Нарек Дмитрием дитя,
 Благоговев перед даром,
 Святого образ обрета.
 И ныне в век продажный гнусный,
 Ведущих с нечестью войну
 Ведет Димитрий в бой Солунский,
 За веру! Правду! За страну!

06.11.2016 г

СУД ПАМЯТИ

Многое хочешь забыть,
 Многое – не вспоминать.
 «Так не должно было быть!» -
 Хочется часто сказать.
 Память – коленчатый вал,
 Гонит и в стужу и в зной,
 И наполняется зал
 Сажей из жизни былой.
 Яркий прожектора свет
 Высветит новую грязь.
 Тех и людей-то уж нет, -
 Память находит связь!
 Точно готовит на суд
 Множество новых улик.
 Неугомонный труд!
 Неутешительный миг!

22.12.2016

В
Е
Р
И
Г
И

(афонская притча)

Послушник вычитал из книги
 Про аскетизм и про вериги,
 Про древний путь Отцов.
 Изрядно этим восхитился,
 К духовнику он обратился,
 Представ к нему лицом.
 –Благослови, отец, мне в кузне
 Вериги заказать, как узы–
 Смирители страстей.
 – Да ты бы, брат без них смирялся,
 В молитве больше подвизался,
 Без этих вон затей!
 –Нет, отче, я хочу смиренней,
 Быть терпеливей, совершенней,
 В теснотах тайных жить.
 Молясь Иисусовой молитвой,
 Как воин на незримой битве, –
 Не по теченью плыть.
 –Ну что ж, вериги, так вериги,
 Ах, эти умные мне книги,
 Начальным ли ценны?!
 А коль послушник в небо рвётся,
 То непременно вниз сорвется,
 Его к земле тяни! –
 Так думал старец, прозревая,
 Злой искус, и в сердцах ругая
 Мечтаний всех запал.
 Он вызвал кузнеца из кузни,
 С которым был в старинной дружбе,
 И так ему сказал:
 –К тебе собрался Феодосий,
 Вериги у тебя он спросит,
 Ты с ним не говори.
 Дай оплеуху, да покрепче,
 Чтоб не был глуп и опрометчив, –
 Да прочь его гони!
 Кузнец всё точно так исполнил,
 Как Феодосий просьбу молвил,
 Ему в ланиту дал.
 Тот, завопив от возмущенья,
 Вернулся к старцу, полон мщенья,
 Про «хамство» рассказал.
 А духовник сказал, с улыбкой:
 –Ты убежал с позором с битвы,
 Обиды не стерпел.
 Другой ланиты не подставил,
 Христовых не исполнил правил, -
 Ещё вериг хотел!

17.11.2016

* * * * *

Где б добыть нам такую вакцину,
 Чтоб не дать развалить медицину?
 Где бы взять нам чудесное средство,
 Чтоб вернуть преблагое наследство?
 Не расчёты по деньгам и планы,
 А закон, где больной самый главный;
 Где врачует врач душу и тело
 Вдохновенно, со смыслом, умело!
 Где свободен врач от писанины,
 И от прочей ненужной рутины;
 От стандартов, искусственных рамок,
 Где здоровье – стандарт самый главный!
 Где зарплата врача – не подачка,
 А награда за труд, не иначе,
 И достойна по званию, чиста,
 А не только в докладе министра.
 Чтоб от этой волшебной вакцины
 Рухнул сноп страховой медицины,
 И возрастали как прежде когда-то:
 Боткин, Гааз, Пирогов и Филатов!

19.12.2016 г

ПРИТЧА О СЧАСТЬЕ

Гуляло счастье по свету,
 По свету счастье гуляло,
 И в яму одну неприметную,
 В глубокую яму упало.
 Видит один прохожий -
 Счастье в яме без дела,
 И говорит: «Поможешь?
 Мне заработать денег!»
 «Дам! – говорит ему счастье,
 С Богом иди, человеке,
 Бойся вина и страсти,
 Ближних люби покрепче!»
 Шел и другой прохожий,
 В яме узрел он счастье,
 И попросил его тоже,
 Чтобы пожить, да в сласти.
 Счастье ему обещало:
 «Будет достаток полный,
 Труд нужен только немалый,
 Будь всем всегда довольный».
 Третий пришел к яме.
 «Что тебе? – счастье спросило. –
 Мне говори прямо,
 Много в моих силах?»
 « А что тебе надо?
 Помощь нужна от людей?»
 «Мне бы была отрада -
 Выбраться поскорей!»
 Руку подал он. Сталось.
 Помог не корысти он ради...
 А счастье за ним увязалось,
 По жизни пошло рядом.

02.11.2016

Октябрьская роза

Расцвела неожиданно роза,
 В октябре расцвела первозданно,
 Не взирая на снега угрозы,
 Так доверчиво, ярко и странно.
 А вокруг умирает природа,
 Листья желтые жухнут бесславно,
 Всё безрадостней даль небосвода,
 Столь отрадная сердцу недавно.
 А ночные сухие морозы
 Шепчут зло ей: « Сними одеянье,
 Сбрось его, непослушная роза,
 Расцвела ты на смерть и страданье!»
 И холодной рукой обжигая,
 Лепестков ее нежных касались,
 Но в молитве, на стебле качаясь,
 Они в силе своей оставались.
 Так и тот, кто расцвел в хладном царстве,
 Не ко времени, не для забавы,
 Украшая собою пространство,
 Утверждая цветения право.
 Будь в молитве торжественно стоек,
 Не боясь холодов и угрозы,
 Среди павших своею листвою,
 Как цветок распутившейся розы!

16.10.2016

СТАРОСТЬ

*И даже до старости и престарения,
 Боже мой не остави мене... (Пс. 70)*

Старость – это битва.
 Кто на бой решится,
 Тот да не отступит,
 Да не устрашится!
 Старость – это подвиг,
 Крестное несенье,
 Радуйся, что смог ты
 Понести сраженье.
 Старость – духа ясность,
 Или оглупленье.
 Жизнь твоя прекрасна,
 Иль одно мученье.
 Или в Боге мудрость,
 Светлая как лето,
 Или скудоумье
 Без любви и света...
 Пусть же дарит старость
 Нам венец заветный,
 И звенит, как младость,
 В предрассвете лета.
 Множатся пусть в доме:
 Теплота, сердечность...
 Старость - это подвиг,
 И тропинка в вечность!

03.12.2016

К
О
З
Л
АК
О
З
Л
А

Во время оное *свободы*,
 Что революция дала,
 Пел ей народ в безумье оды,
 Творя прескверные дела.
 Однажды в храм ворвались люди,
 С оружием наперевес,
 Вершители народных судеб,
 С крестами в прошлом, ныне–без.
 С собою в храм козла втащили,
 Тот упирался и визжал,
 А люди в страхе уходили
 Из церкви, видя сей бедлам.
 Вошел в алтарь боец развязно,
 И от лампы прикурнул,
 Ругнувшись по-мужицки грязно,
 Он в небо пальцем погрозил.
 Промолвил, видя как священник
 Дары Святые прибирал:
 «Ты нам сейчас козла покрестишь,
 Иначе - близок твой финал!
 Он на попа похож, козлище,
 С такой же длинной бородой...
 Давай, иди скорей, попище,
 Кропи козла святой водой!"
 И гогоча, к козлу толкнули
 Свободы красные сыны
 Священника, и затащили
 Хмельные песни сатаны.
 «Пусть будет так, как вы хотите, -
 Священник твердо произнес, -
 Но не толкайтесь, погодите,
 Есть у меня к козлу вопрос».
 «Ну, вопрошай козла, да быстро! –
 Ему ответил комиссар. -
 Не вижу, впрочем, в этом смысла,
 Ты, как козёл, упрям и стар!»
 Священник над козлом склонился,
 Тот вдруг затих и замолчал,
 Потом заблеял, оживился...
 «Ну, что тебе козёл сказал?
 Ответил на твои вопросы? -
 Спросил, кривляясь, комиссар».
 «Конечно, как-никак он взрослый,
 И вот что мне козёл сказал:
 Креститься он теперь не будет,
 В иную веру верит, мол,
 Иначе новой веры люди
 Его не примут в комсомол!»

29.10.2016 г.

Монах-пьяница

(Притча. По преп. Паисию
 Святогорцу)

Жил на святой горе Афон
 Монах, в годах преклонный,
 С вином был очень дружен он,
 И слыл худым и вздорным.
 Соблазном верующим был,
 Паломникам – смущенье...
 Так в осужденье общем жил,
 При Божьем попущенье.
 Однажды умер тот монах,
 И многие считали,
 Что душу грешника во ад
 Бесов полки забрали.
 Пришли ко старцу спросить,
 Но им в ответ Паисий,
 Не выслушав, стал говорить,
 Прозрев пришедших мысли:
 «Да, умер, знаю, видел я,
 Как Ангелы толпою
 Забрали душу и ея
 Несли вслед за собою.
 Смущает вас, что пил монах,
 Но истина у Бога,
 А нам не о чужих грехах
 Судить пристрастно строго!
 Почивший до Афона жил
 В селении далеком,
 Ещё младенцем зелье пил
 Велением жестоким.
 Давали мать с отцом его,
 Чтоб не кричал он вволю,
 Со спиртом винным молоко,
 Работая на поле.
 Они собирали урожай,
 А мальчик спал, пьянея,
 И пьяницей, взрослея, стал,
 В пороке том коснея.
 И вот, пришедши на Афон,
 Обязан был день каждый
 По двадцать рюмок выпить он,
 А то и больше даже!
 Я дал наказ ему тогда:
 Поклоны, пост, молитвы,
 Чтоб слезно исполнял всегда,
 Ведя с пороком битвы.
 А дозу каждый день снижал,
 И вот недавно утром
 Монах мне, наконец, сказал,
 Что пьёт лишь две-три рюмки.
 За ту борьбу, что годы вёл,
 Средь общего презренья,
 Монах спасение нашёл:
 В Христе упокоенье!"

15.10.2016

~ ~ ~ В.К. Невярович: Лебединая песня ~ ~ ~

Основы христианской культуры

19. О МЕЧЕ И ПРАВЕДНОСТИ

Продолжение..

...Все эти соображения отнюдь не должны погасить или оставить без ответа вопрос, предложенный нравственным максималистом. Пусть он практически не прав, из наивности или из лицемерия; однако теоретически этот вопрос полон глубокого смысла и нравственная философия обязана его исследовать. Мы не имеем права уклониться от ответа на него и потому спросим еще раз: сопротивляющийся злу силою и мечом - удовлетворяет ли в этом всем требованиям нравственного совершенства? Остается ли душа его чистою и невозмущенною, а совесть - удовлетворенною и спокойною?

Трудно было бы представить себе, чтобы человек с глубоким и острым нравственным чувством мог дать на этот вопрос положительный, успокаивающий ответ. Это ясно уже из вышеизложенных оснований, именно, что у несовершенного человека по необходимости несовершенны и поступки, и тогда, когда он молится Богу добра, и тогда, когда он борется со злом; волею и неволею, ведением и неведением - человек всегда не праведен и грешен; можно ли думать, что он внезапно окажется совершенным и святым именно в обращении ко злу?.. Напротив, следовало бы заранее допустить, что восприятие зла неминуемо вызовет в его душе и возмущение, и соблазн, и замешательство, и преодолевающие усилия, словом, все то, что не может не разразиться в душе живущего страстями не праведника. И естественно, что так это обычно и бывает. При восприятии зла дурные стороны души обыкновенно просыпаются из своего морального полусна, как бы предчувствуя начало своего освобождения: они начинают трясти наложенные на них цепи, отвечая на появление зла - любопытством и сочувствием, радостью и подражанием, попыткою оправдать себя и узаконить, повышенною притязательностью и непокорством. Душа переживает период искушения и внутренней борьбы: она выходит из равновесия и нуждается в повышенных усилиях духа и, быть может, как никогда, видит себя далекою от совершенства...

Однако помимо всего этого необходимо признать, что активная, внешняя борьба со злом несет в себе особые условия, затрудняющие человеку и его внутреннюю борьбу с его собственными злыми влечениями, и нахождение нравственно верных и безвредных внешних проявлений.

Так, прежде всего, понуждающий и пресекающий человек естественно занимает по отношению к злодею позицию отрицающего благожелательства. Это отрицательное отношение он не оставляет про себя и проявляет его в искреннем и цельном поступке. Это означает, что он приемлет разумом, и волею, и делом неполноту любви в себе самом, утверждает ее и изживает в борьбе со злодеем. И если нравственное совершенство состоит в наличности полной любви ко всему живому и существу, то духовно зрячий борец со злом допускает в себе самом нравственно несовершенное, урезанное, ущербное состояние и утверждает на нем свою деятельность. Он утверждает себя в неспособности светить, подобно солнцу, одинаково на злых и добрых (Мф 5:45) и согласно этому и творит. Как бы ни была предметно обоснована и справедлива и в мере своей верна и ответственна его отрицательная любовь - она остается сознательно допущенным, действительно изживаемым нравственным несовершенством. И это обстоятельство ни в чем не обнаруживается и не испытывается с такою силою и очевидностью как в последнем и крайнем проявлении отрицательной любви - в человекоубийении...

Может быть, с тех самых пор, как человек впервые убил человека, и убив содрогнулся душою от чувства совершенного греха и от взятой на себя вины - в душе его зародилось, сначала в виде смутного чувства, а потом в виде уверенности, осуждение всякого убийства. Евангелие углубило и осватило это воззрение; оно с очевидностью указало человеку, что грех и вина убийства рождаются не в момент совершения поступка, а в момент внутреннего желания совершить его; так что человек, внешне никого не убивший, может чувствовать себя в своих желаниях и мечтаниях - убийцей, и постольку ему подобает и чувство вины, и угрызение, и

раскаяние (срв. 1 Ин 3:13). Здоровая и чуткая совесть, воспитанная в духе подлинного христианства, испытывает и знает, что «убивает» не только тот, кто физически прекращает жизнь другого, или участвует в этом, или способствует этому: ибо есть еще степени ненависти, злобы и вражды, нравственно равносильные и равноценные убийству. И это убийство гневом и жадной мести, завистью и ревностью веет вокруг себя каждым нетелесным убийством и распространяется в душах в виде неуловимых напряжений и разрядов взаимного отталкивания, незаметно накапливающихся и подготовляющих ту атмосферу, в которой неуравновешенный человек быстро и легко доходит и до физического убийства. Мало того, глубокая и утонченная совесть утверждает еще, что вокруг каждого из нас люди все время медленно умирают не без нашей вины - одни от горя, ибо ближние недолюбили их, другие от изнеможения, ибо ближние не помогли им. Прав, конечно, Леонардо да Винчи, указывая на то, что люди вообще живут на счет жизни других людей: ибо каждый из нас, может быть, сыт именно потому, что есть другие, несытые, и наслаждается именно потому, что есть лишенные, и каждый из нас, сознательно или бессознательно, быть может, оттолкнул и исключил от владимого им блага многое множество других людей. И именно здесь один из глубочайших источников того абсолютного милосердия, которое побуждало многих святых питаться и одеваться лишь настолько, чтобы быть в состоянии отдавать все свои силы страдающим и гибнущим. И здесь же одна из тех последних инстанций, перед лицом которой частная собственность должна быть не отвергнута, а принята и утверждена, но только в новом виде, подлинно христианском, освященном ответственностью перед Богом и людьми.

Таким образом, в каждом зачатке ненависти, в каждом оттенке злобы, в каждом отвращении человека от человека, мало того, в каждой неполноте любви, - от простого безразличия до беспощадного пресечения, - укрывается в зачатке и оттенках акт человекоубийства. Естественно, что поверхностные и малодушные люди идут мимо этого, закрывая себе глаза, отвертываясь и игнорируя («не могу же я всех спасти»); они, не задумываясь, принимают всю эту жизне-смертную связанность людей, стремятся уловить чутьем ее законы и использовать их к своей выгоде. Однако убежденный борец со злом не имеет ни основания, ни права закрывать себе глаза на это обстоятельство. Напротив: он должен осознать и продумать всю функцию отрицающей любви и в особенности функцию меча. Он должен до глубины понять, что он делает и на что решается, не малодушествуя и не предаваясь легкомыслию. Да, отрицающая любовь есть любовь урезанная, ущербная, функционально неполная и отрицательно обращенная к злодею: такова она уже в своих первых проявлениях - неодобрения, несочувствия и отказа в содействии, и уже в этих проявлениях ее начинается тот отрыв, то противопоставление, то отрицание и пресечение, которые доходят до максимума и до внешнего закрепления в казни злодея и в убийстве на войне. Все это именно так, и во всем этом нет совершенства и нравственной святости. И тем не менее ведущий борьбу со злодеем может и должен это принять.

Понятно, что все отрицательные видоизменения любви, начиная от простого неодобрения и кончая физическим пресечением злодейства, не только не облегчают человеку, ведущему это сопротивление, его внутреннюю борьбу с его собственными злыми влечениями, но затрудняют ее. Отрицательная любовь не только безрадостна и мучительна для человека; она требует от него таких напряжений чувства и воли, от которых душа его привыкает не предаваться умилению, состраданию и, главное, радости; она привыкает жить не светлыми, а темными лучами любви, от которых она становится суровее, жестче, резче и легко впадает в каменеющее ожесточение. От этого она может утратить ту светлую легкость, ту певучую нежность, ту эмоциональную гибкость и удобообразность, которые так высоко ценятся великими учителями Добротолубия и которые так необходимы каждому для борьбы с его собственными злыми порывами и страстями. Душа, привыкшая бороться со злодеями, незаметно вырабатывает в себе особый отрицательно-подозрительный подход к людям; ее духовное зрение приучается фиксировать в них зло и нередко перестает замечать их живую доброту, она привыкает уверенно осязать реальность зла и незаметно утрачивает веру в реальность добра. Нельзя бесследно и без вреда воспринимать чужое злодейство, тем более постоянно и подолгу. Самое последовательное и героическое отвержение зла не избавляет душу борца от необходимости воспринимать его черную природу и приспособлять к ней свой опыт и свое видение. Естественно, что в этом вынужденном приспособлении более слабая душа незаметно заражается, а более сильная - каменеет и черствеет.

К этому присоединяется, далее, то обстоятельство, что в силу закономерной связи между физическим и психическим составом человека все телесные напряжения и движения внешней борьбы (толчок, удар, связывание, действие холодным или огнестрельным оружием и т.д.) неизбежно, хотя иногда и незаметно, вызывают в душе в виде отзвука и реакции - весь этот ряд

враждебных или даже озлобленных порывов и чувств, которые необходимо бывает гасить и обезвреживать впоследствии, и притом именно потому, что в момент борьбы они бывают целесообразны. Как бы ни был добр и силен в самообладании человек, но если он вынужден к преследованию и аресту злодея, к разгону толпы или участию в сражении, то самый состав тех действий, к которым он готовится (напр., рубка манекена, изучение японской борьбы) и которые совершает (напр., преследование с полицейской собакою, атака в конном строю), легко будит его страсть, вводит его в ожесточение, дает ему особое наслаждение азарта, наполняет его враждою, берedit в нем свирепые и кровожадные инстинкты. Напрасно думать, что люди участвуют в этом только по необходимости, вынужденные к этому нуждою, угрозами или дисциплиною; напрасно также думать, что, повинувшись дисциплине, люди не вводят в это дело своей личной страсти, своей собственной воли, инициативы, своей сочувствующей и ненавидящей души. Человек не машина и не ангел: его неуравновешенная и страстная душа вовлекается в эту борьбу не только лучшими своими силами, но и худшими своими сторонами, и вовлекаясь впадает в такие состояния, которые не просто «далеки от праведности», но которые, быть может, вызывают в ней порочные тяготения и ведут ее к новым грехам.

Всякий народ переживает во время войны такое духовное и нравственное напряжение, которое, в сущности говоря, всегда превышает его силы: от него требуется массовый героизм, тогда как героизм всегда исключителен, от него требуется массовое самопожертвование, тогда как самопожертвование есть проявление высокой добродетели, от него требуется сила характера, храбрость, победа духа над телом, беззаветная преданность духовным реальностям... И все это оказывается связанным с делом массового человекоубиения, с делом вражды и разрушения. Война предъявляет к человеку почти сверхчеловеческие требования: и если народ порывом поднимается на надлежащую высоту, то по окончании порыва, обыкновенно выдыхающегося задолго до окончания войны, уровень народной нравственности всегда оказывается павшим. Он падает не только потому, что лучшие, храбрейшие, героические гибнут на войне, а ловкие и хитрые переживают ее, но особенно потому, что люди на войне привыкают к убийству, и, растратив непосильный для них и несвойственный им героизм, они возвращаются к обычной жизни с притупленным нравственным чувством, с истощенным и расшатанным правосознанием, с переутомленною волею с одичавшими и большими страстями. Войны иногда вызывают к жизни междоусобия и революции отчасти именно потому, что они развязывают в душах кровожадность и приучают людей посягать, не опасаясь и не удерживаясь.

Наконец, в теснейшей связи с этим стоит то обстоятельство, что человеку, как существу страстному и грешному, чрезвычайно редко приходится вступать в эту борьбу со злодеями из чисто духовных и вполне лично незаинтересованных побуждений, и, далее, оставаться во время самой борьбы в пределах необходимого духовного благожелательства. Как часто человек, ведущий понудительную и пресекающую борьбу со злодеями, видит в этом простую разновидность устраивающей его жизнь службы и не помышляет о большем. Как легко примешиваются здесь к наличному религиозному или патриотическому чувству побуждения личного успеха, выгоды, мести, жестокости... И именно у страстных натур - как быстро негодование получает оттенок личной ненависти, озлобленного фанатизма или жажды расправы; так что если бы такому страстному борцу сообщили, что побораемый им злодей раскаялся, исправился и стал порядочным человеком, то он отнесся бы к этому известию не с радостью, а, может быть, с неподдельным возмущением и разочарованием...

И как естественно и понятно, что именно в такой борьбе легко разжигающей страсти и ожесточающей душу, самый добросовестный и разумный человек является подверженным всевозможным недосмотрам, промахам и ошибкам. Сложность жизни, ее внешних сцеплений и внутренних тайн всегда является трудно доступной даже и уравновешенному опыту, и спокойному взору, и беспристрастному наблюдению. Для человека же, взволнованного борьбой, ведущего ее при помощи крайних мер и увлеченного страстью, - совершить ошибку и, соответственно, причинить общественный и нравственный вред особенно легко.

Все это, вместе взятое, делает то, что понуждающий и пресекающий, совершая в качестве неправодея свой трудный, ответственный и опасный путь, возлагает на себя и несет на себе особливые бремена неизбежной неправодея, возможной греховности и вероятной виновности. Активная, героическая борьба со злом отнюдь не является прямою и непосредственною дорогою к личной святости; напротив, этот путь есть путь наитруднейший, ибо он заставляет брать на свои плечи, помимо собственного, недопреодоленного зла, еще и бремя чужих пресекаемых злодеяний; он не позволяет «творить благо», «отходя от зла», но заставляет идти ко злу и вступать с ним в напряженное, активное взаимодействие. На этом пути человека ждут большие подвиги, требующие от него большей силы, но возлагающие на него и большую от-

ветственность. И поскольку ему не удастся справиться с принятой на себя ответственностью, постольку на его душу может лечь и большая вина.

Можно легко понять и объяснить, что слабый человек испугается этого пути, устрашится ответственности и не примет подвигов. Но было бы совершенно неосновательно и легкомысленно делать отсюда тот вывод, что путь этого устрашившегося человека, слабого, уклоняющегося от подвига и мирового бремени, - является по одному этому более совершенным, духовно более верным и нравственно менее виновным. Не говоря уже о том, что он грешит по-своему, по-своему изживая свои слабости и злые влечения, - но он принимает на себя еще и вину злодея (ибо он потакает ему и пассивно соучаствует в его злодеяниях), и несправедливость пресекающего (ибо он неизбежно пользуется плодами и благами его подвигов), и если он увенчивает все это фарисейским самодовольством и осуждением, гордясь своей мнимой праведностью и переоценивая свою добродетель, то высота его нравственного облика оказывается совсем сомнительной». И не выше ли ее возносится возмущенная в своей чистоте и растревоженная в своей совести душа пресекающего человекоубийцы?

И.А. Ильин.

Снежинка

Светло-пушистая,
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не в высь лазурную,
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя в неизвестную
Страну низринула.

В лучах блистающих
Скользит, умелая,
Средь хлопьев тающих
Сохранно-белая.

Под ветром веющим
Дрожит, взмывается,
На нем, лелеющем,
Светло качается.

Его качелями
Она утешена,
С его метелями
Крутится бешено.

Но вот кончается
Дорога дальняя,
Земли касается,
Звезда кристальная.

Лежит пушистая,
Снежинка смелая.
Какая чистая,
Какая белая!

Константин Бальмонт

Какая ночь! Мороз трескучий,
На небе ни единой тучи;
Как шитый полог, синий свод
Пестреет частыми звездами.
В домах все тёмно. У ворот
Затворы с тяжкими замками.
Везде покоится народ;
Утих и шум, и крик торговый;
Лишь только лает страж дворовый
Да цепью звонкою гремит.
И вся Москва покойно спит...

Александр ПУШКИН.

Где сладкий шепот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?

Деревья голы;
Ковер зимы
Покрыл холмы,
Луга и доли.

Под ледяной
Своей корою
Ручей немеет;
Все цепенеет,

Лишь ветер злой,
Бушующий,
И небо кроет
Седую мелю.

Евг. Баратынский

Письма издалека

ПУТЕШЕСТВИЕ

Тяжело порою быть русским человеком. Вот мне, например, очень хотелось бы писать «Письма издалека». А нельзя. И не потому нельзя, что я не далеко заехала, а потому, что русскому человеку ближе чем какую-нибудь северо-западную Зеландию и описывать неприлично.

Немцы - другое дело. Если немец проедет полчаса по железной дороге, то он уже считает, что сделал «eine Reise», «eine schöne Reise», и может потом описывать приключения этого путешествия многие годы, вызывая завистливые восклицания у восхищенных слушателей.

Сам, блаженной памяти, Генрих Гейне, пройдя пешком что-то верст восемнадцать из одного города в другой, пережил лиризма и сатиризма на сто двадцать страниц убористой печати.

Все зависит от восприимчивости путешествующего лица. Уверяю вас. Иной сибиряк сделает полторы тысячи верст, завернувшись в шубу, и носа не выставит на свет Божий. Да и нельзя. От сибирского мороза нос может треснуть, как грецкий орех под каблуком.

Ну вот спросите такого сибиряка, что он вынес из своего путешествия. Скажет одно:

- Вся эта полоса России пахнет собакой, крашенной под енота. - Потому что воспринял только свой собственный воротник.

Настоящий, толковый путешественник должен прежде всего любопытствовать. На каждой остановке спрашивать, что за станция и сколько, примерно, от нее верст до Богородска. Если на платформе девочка продает грибы, подзовите и спросите, что это такое. Хоть и сами видите, а все-таки спросите. Потому что путешествующий должен любопытствовать. Потом справьтесь о цене. Скажите, что лучше бы ей было продавать малину. А если ответит, что малины уж нет, то посоветуйте лучше снова дожидаться ее и завести выгодную торговлю, чем растрачивать молодые силы на грибы.

Если поезд стоит долго, спросите у кондуктора, где жандарм, а у жандарма - где начальник станции, а у начальника станции - где буфет. Таким образом, вы будете все знать из первых рук.

У пассажиров с благородством, но настойчиво, выпытывайте - куда, зачем и откуда они едут, сколько, примерно, в их городе жителей и далеко ли от них до Богородска. Этот последний вопрос всегда неотразимо действует, в особенности на иностранцев. Они начинают относиться к вам необычайно внимательно и иногда даже, забрав всю поклажу, уходят в соседний вагон, чтобы предоставить вам покой и место.

Кроме того, узнавайте все время - как кого зовут и у кого что болит; у дам спрашивайте, не вредно ли им сидеть спиной к движению, у стариков - не дует ли на них из вентилятора. Разузнав все подробно, вы, отъехав на двенадцать верст от места своего жительства, имеете уже полное право дослать родным и знакомым «Письма издалека».

Теперь поговорим о настоящем, серьезном путешествии. Прежде всего, куда бы вы ни ехали, хоть в Тибет, границу непременно переезжайте в Эйдкунене, иначе никогда не почувствуете себя на границе. Это уже дознано и признано.

Если хотите быть стереотипным, то, переезжая пограничную речонку, выгляните в окошко и высуньте язык. Я лично этого не делаю, потому что, по моему, это вовсе не так уж важно. Но многие считают это священным ритуалом. Не нами, мол, заведено, не нами и кончится. Ну и пусть себе.

Самый важный момент ваших пограничных переживаний, это - предъявление немецкого билета немецкому сторожу на платформе Эйдкунена. Поднимите глаза и взгляните на него. У него нос цвета голубиного крыла, с пурпурными разводами и мелким синим крапом. Тут вы сразу поймете, что все для вас кончено, что родина от вас отрезана и что вы одиноки и на чужбине. Лезьте скорее в вагон и пишите открытки.

Если судьба занесет вас в Берлин (а она обыкновенно проделывает это с людьми, едущими через Эйдкунен), не забудьте во что бы то ни стало пойти к придворному парикмахеру Гансу Хаби, распушившему усы императору Вильгельму. Это вам обойдется рублей в шестнадцать, но зато вы узнаете кое-что.

Хаби посадит вас на стул и спросит, что вам угодно. Узнав, что вы хотите остричься, он загадочно улыбнется и наденет на вас намордник. Вы будете мычать и отбиваться, но крепко скрученная простыня не даст вам ни подняться, ни высвободить руки. А Хаби начнет говорить о том, что все счастье вашей жизни в распушенных усах и что Вильгельм только потому и Вильгельм, что он, Хаби, надел на него свой намордник. Говоря это, он будет поливать вам голову всякой гадостью собственного изобретения.

- Вы, конечно, разрешите коснуться вас слегка вот этим фиксатуаром? - поет он.

- Мм... не хочу! - мычите вы.

- Итак, с вашего разрешения!

И он снова мажет вас и, глумясь, хвалит за культурное отношение к парикмахерскому делу. Но все на свете кончается. И Хаби, сняв с вас намордник, подставляет вам зеркало, из которого глядит на вас белый тигр с печальными человеческими глазами и намавленной лысиной.

- Тридцать марок!

- Что-о?

- Этот инструмент я распечатал специально для вас. Эту мазь - тоже. Ведро этой жидкости откупорено ради вас, - теперь она все равно выдохнется. А вот эту щеточку - она стоит не менее пятидесяти пфеннигов, уверяю вас, - вы можете взять себе.

Не забудьте же побывать у придворного парикмахера. Вы, по-крайней мере, сразу поймете, почему императору Вильгельму пришлось расширить цивильный лист. Бедняге не хватало денег, чтобы как следует «sich rasieren».

Еще советую вам обратить внимание на берлинских извозчиков, которые за последние годы невесть что забрали себе в голову. Они считают себя равноправными гражданами с шоферами и с трамвайными вожатыми. Лезут всюду, и некому их осадить и поставить на место.

Ни разу не довелось мне слышать, чтобы ктонибудь дал им краткое, но меткое определение, которое так хорошо действует на извозчичью душу: «Гужеед желтоглазый!» Конечно, они по русски не поймут, но ведь можно же перевести. Не Бог вещь какая трудность. Скажите: «Du Rimenesser! Gelbauge!» Не знаю в точности, как по немецки гужи. Ну, да вы это от него же и узнать можете. Прямо спросите:

- Любезный извозчик! Как называется та часть упряжи, которую вы кушаете?

Он, конечно, не замедлит удовлетворить ваше законное любопытство. А вы воспользуетесь этим и сразу поставите его на место.

Ах, если относиться к своей задаче серьезно, то сколько полезного и для себя и для других можно извлечь из самого маленького путешествия.

Но много ли нас, серьезных-то людей!

Надежда Тэффи

Зеркала...

Плохие стали зеркала,
Неверно как-то отражают,
Меня так грубо искажают –
Пародия их просто зла.
Я помню - много лет назад
Получше делать их умели,
И на меня из них смотрели
Мои весёлые глаза,
Фигуры стройный силуэт,
Лицо живое, молодое
И симпатичное такое -
Теперь таких зеркал уж нет.
Хотя с тех пор прошли года,
В себе не чувствую изъянов,
Всё так же полон мыслей, планов,
Душа как прежде молода.
Зеркал же новых злая гладь,
Куда порой смотрю я сдуру,
Какую-то карикатуру
Теперь вдруг стала рисовать.
В жестокой глубине стекла
Почти седой и лысоватый,
В морщинах весь, слегка пузатый...
Плохие стали зеркала!

Андрей Дементьев

Я помню всё. Метель мела
По опустевшему перрону
И ты, в снегу, белым - бела,
Спешила к моему вагону.

И вот к окошку подошла
И, вскинув снежные ресницы,
Меня среди других нашла
И взглядом позвала проститься.

О, что бы мне забыть тогда
Про нашу глупую размолвку
И не твердить, что ты горда,
Не упрекать бы без умолку!

Но мой состав крутой дугой
Поплыл вдоль белого вокзала.
И снежной завертью тугой
Метель к столбу тебя вязала...

Теперь за всё себя корю
И взгляд твой грустный вспоминаю.
И в муках памяти горю,
И без тебя как жить - не знаю.

Владимир Колабухин.
Ярославль.

НА ЧУЖБИНУ

Кучер с трудом остановил разбежавшуюся тройку, привстал на козлах и, вытянув шею, глядел вперед и по сторонам.

- В объезд надо брать, не проехать, - решил он.

- Да что тут такое? откуда столько наехало? - удивленно спросил Накатов и тоже приподнялся в экипаже, держась одною рукой за металлический ободок козел.

Под яркими лучами летнего солнца, на большом протяжении между станционными зданиями и длинным рядом постоянных дворов, питейных заведений, колониальных и других лавок копошилась, гудела и скрипела колесами сотни телег многоголовая, беспорядочная толпа крестьян. До слуха Накатова доносился только смутный, неумолкаемый гул, из которого случайными отдельными звуками вырывались то ржанье коня, то плач ребенка, то бабий визг или отрывок удалой песни.

- Что тут такое? - спросил опять молодой человек, обращаясь к проходящей бабе. Та, видимо, спешила и, не останавливаясь, кинула на Накатова тревожный взгляд.

- Переселенцы, батюшка, переселенцы. Девяносто дворов.

- Куда? - крикнул он ей вслед.

- В Оренбургскую... Тетка тут у меня, попрощаться бегу. - И она действительно побежала и сейчас же затерялась среди толпы.

- В объезд, значит? - спросил кучер.

- Пойдем пешком, Катя, - предложил Накатов, оглядываясь на сидящую рядом с ним девушку. Та, видимо, колебалась.

- Ну пойдем! - согласилась она, - с тобой не страшно.

Они быстро выпрыгнули из экипажа и, взявшись под руку, направились прямо через толпу к станции.

- Взгляни, Катя, все пьяно! - с оттенком досады и брезгливости сказал Накатов. - Едут бог знает куда, набрали кое-какие крохи, и как набрали! Дома свои, скотину, весь скарб свой за полцены сбыли и теперь пропивают... все, до копейки!

Молодой человек пожал плечами и нахмурился.

- Народ, народ! Наш умный, добрый русский народ!

Он сделал широкий жест свободной рукой и усмехнулся. Они стояли уже среди толпы. Не общий гул, а отдельные, резкие звуки раздавались в их ушах. Вдоль и поперек дороги как попало стояли телеги; одна из них ушла двумя задними колесами в канаву, и тощая лошаденка тщетно силилась вытащить ее на ровное место. На телегах и рядом с ними прямо на земле сидели и стояли мужики и бабы, лежали мешки, узлы. Почти все мужчины были пьяны: одни шатались, кричали, пробовали плясать и петь песни; другие, уже окончательно опьяневшие, лежали на земле без голоса и без движений. Попадались и пьяные бабы...

- Зачем это они? Зачем? - прошептала Катя.

- Эй! барин! - весело окликнул Накатова молодой мужик. - Прощай, барин!

Сильно пошатываясь на ногах, скинул он с головы шапку и уронил ее на землю.

- Хороший барин! Прощай!

Молодой человек засмеялся.

- Прощай, брат, прощай! - ответил он и прошел дальше.

- Эй, прощай! - кричал ему вслед веселый мужик.

Он нагнулся, чтобы поднять свою шапку, но, не дотянувшись, отшатывался от нее, как от заколдованной. Кругом хохотали.

- Ну-ка, подступись к ней! Подступись!

На одном возу сидела женщина; она обнимала детей, а глаза ее глядели в пространство, остановившиеся, полные отчаяния и ужаса.

- Тетка! - крикнул ей кто-то, - хозяина подбери! Забудешь, неравно... Во-он там у заборчика без задних ног валяется.

Она бессмысленно повела глазами на говорившего и опять уставилась ими перед собой.

- О, Вася! - сказала, девушка. - Ты видел, какие глаза?

Накатов нахмурился.

- Оглянись, Катя, - сказал он, - оглянись и скажи по совести: ну, не смешны мы все с нашей горячей защитой за наш милый, умный народ? Не смешны мы все с нашим постоянным величием и расхваливанием его? О, великая душа русская! Полюбуйся, полюбуйся же теперь на этого безвольного зверя. Дорвались! Всю прошлую жизнь - все потом и кровью нажитое, скоп-

ленное, все, что еще могло кое-как обеспечить близкое будущее, все, все с легким сердцем отдается за стакан водки! Жены, дети... Ни жалости, ни страха... Что же, скажи: опять жалеть? Опять оправдывать? Нет! Нет! Меня они возмутили, озлобили...

- Вася! - кротко перебила его сестра, - а если это безнадежность? В прошлом - одно горе, нет веры в будущее, и только минута... минута забвения в их власти.

Накатов нетерпеливо пожал плечами.

- Да, да. Опять только жалкие слова. Всегда только жалкие, жалкие слова!

- Но кто же виноват! - совсем уже тихо ответила Катя.

В двух шагах от них стоял пожилой мужик и, сморщив озабоченно лоб, считал что-то по растопыренным пальцам своей корявой, мозолистой руки. Он тоже был пьян, но выражение лица его было сумрачно, почти злобно.

- За телку, говорит, за телку накидываю, - бормотал он, - а всего шесть с полтиной. - Он стал загибать пальцы левой руки и, не досчитываясь одного, опять растопырил их и с недоумением оглянулся кругом.

- Али обронил палец-то, дядя? - весело расхохотался мальчишка-лавочник, перебегая через дорогу с пустой бутылкой в руках. Мужик злобно покосился на него.

- Зубы побереги, зубы! Вот я барина спрошу. Барин! Спросить вас надо: Бухтеру знаете?

- Чего? - переспросил Накатов.

- Бухтеру эту самую. Бухтеру! - повторил мужик.

- Что такое Бухтера? - недоумевал молодой человек.

- Так не знаете?

-- Не знаю.

- Так чего же толковать, если не знаете? чего толковать? - неожиданно рассердился мужик.

- Вот тоже! Толкует чего не знает! Барин, а не знает...

Накатов невольно засмеялся.

- Нет, ты не толкуй! - уже угрожающим тоном кричал мужик. - Не толкуй, чего не знаешь!

Ишь толкует!

- Да ведь это он про Оренбург! Оренбург. Вот про Что он спрашивал! - внезапно догадался Накатов и даже остановился. - Бухтера! - горько усмехнулся он, - названия простого и того не знают, недослышали. Едут тоже... Бухтера!

Около самой ограды станции лежал мертвенно пьяный. Он закинул голову, и солнце жгло его налившееся кровью, побагровевшее лицо.

- Хозяин! - все с той же усмешкой кивнул на него Накатов. Катя вздрогнула и отвернулась: ей вспомнилась женщина с остановившимся взглядом и двумя ребятами на руках.

Станционный двор и платформа были тоже запружены народом. Брат и сестра вошли в общую залу и стали у открытого окна. Мимо них по платформе поминутно пробегал озабоченный начальник станции и другие люди в форме станционных служащих. Запыхавшийся, совершенно растерявшийся земский начальник подбегал то к одной группе крестьян, то к другой. Лицо его было красно и потно, он беспрестанно отирал лоб платком, а из груди его вырывались хриплые, бессильные звуки. Он увидел Накатовых и закивал им головой.

- Знаете, - говорил он через минуту, подбегая к окну и пожимая руки брату и сестре, - я, кажется, лучше согласился бы везти их вместо паровоза. Видели? Что с таким народом поделаешь! Сейчас будут подавать поезд.

Он опять торопливо пожал Накатовым руки и убежал во двор.

- И здесь все то же! - с возрастающим чувством досады говорил Накатов. - Все те же бессмысленные пьяные лица, все тот же гвалт и бестолковая суета.

Больше всего шумели и суетились бабы: одни тащили за собой детей, мужей, волочили мешки, узлы; другие сидели на этих мешках и, пригорюнившись, подперши рукой щеку, причитали и голосили на все лады. Были и более спокойные: одна еще очень молодая, красивая женщина безмолвно припала головой к сухой груди одетой в рубище старухи. Кто из них уезжал, кто оставался? Лицо молодой женщины было страшно бледно, глаза закрыты; старуха глядела в небо, и в глубоких морщинах ее потемневшего лица застоялись слезы. Со двора доносился хриплый голос земского начальника; кричал он, кричал еще кто-то, а на платформу народу прибывало все больше и больше; точно надвигающиеся волны, теснила толпа здание станции. Но вот к платформе медленно, грузно, почти бесшумно среди окружающего гвалта подкрался поезд, заскрипели тормоза, зазвенели цепи, и сейчас же резко, оглушительно прозвучал звонок. Словно неожиданный, жестокий удар разразился над беспорядочной толпой. На минуту стало так тихо, что голос начальника станции отчетливо пронесся по платформе.

- Садиться! - с торжественной и в то же время дрогнувшей ноткой скомандовал он.

Еще с минуту длилось молчание, и вдруг опомнившаяся толпа дрогнула, застонала. Самые бессмысленные от вина лица прояснились сознанием; одна и та же мысль, одно и то же чувство выразились во всех глазах. Разом не стало безвольного, разнузданного, опьяненного зверя: рядом с человеком стоял человек, а в душах этих людей было одно им всем общее, всем одинаковое горе; и горе это было так велико и боль от него так нестерпима, что все то наносное, случайное, все то, что придавало им еще силы и терпения, теперь разом рассеялось, и стояли люди лицом к лицу с своим горем, обезоруженные, жалкие, беспомощные, как дети. По седым бородам катились мелкие, скудные мужичьи слезы, из которых каждая словно просачивалась через сильную мужичью душу насквозь. Где-то истерично взвизгнула женщина, за ней другая, третья, и вдруг вся толпа, как по команде, обнажила головы, опустила на колени и с молитвой, любовью и отчаянием прильнула в последний раз к родной земле. В стороне, растроганное, с опущенными головами без фуражек, стояло начальство.

- Катя! Милая! - позвал Накатов.

Молодая девушка прислонилась головой к косяку окна, плечи ее вздрагивали, и слезы беззвучно и неудержимо лились по щекам.

- Зачем? Ты понимаешь теперь зачем? Понимаешь? - возбужденно шептала она. - Затем, что не терпит душа... Будьте же справедливы! Разве мало горя? мало? Облегчите, а не осуждайте. Не осуждайте! - Катя заплакала еще сильнее, а Накатов закусил губы и виновато потупился.

- Садитесь! - еще раз грустно и мягко прозвучал голос начальника.

Л.А. Авилова.

- Думаю о завтрашнем дне.

- Откуда ты знаешь какое завтра будет дно?

Зимнее небо

Хмурится зимнее небо,
Серым висит полотном, –
Прячет уснувшее лето
За серебристым холмом.

Вдоль заметённой дороги
Взбились периной поля.
Греют замёрзшие ноги
В белом пуху тополя.

Скрывшись от бойкого ветра,
Съежилась старая ель.
Ждёт, когда спящее лето
Звоном разбудит капель.

В иней холодный одеты
Ветви осин и берёз.
«Солнце весеннее! Где ты? –
Шепчут снежинками слёз. –

Что ж оно к нам не приходит,
В чьей заигралось листве?».
...Грусть нестерпимая колет
Сердце моё о весне.

Мне бы босыми ногами
В землю втоптать свою тень,
Где голубыми снегами
Вешняя сыплет сирень.

Павел Грызлов.
Россия. г. Братск.

Он не страдал, он не ходил за нею.
Не объяснялся, кепку теребя...
Она сама, однажды, чуть робея
Ему сказала: «Я люблю тебя».
Его друзья томились в ожиданье.
Худели от бессонницы и дум.
А вечером просили для свиданья
Его же новый, синенький костюм.
А тут сама в морозы прибегала.
На стул бросала шапку и пальто.
И он решил: ему такого мало.
И он решил, что это всё не то.
Ушёл, уехал, ждал особой встречи.
Других красивых провожал домой.
Ловя себя на том, что каждый вечер
Он, засыпая, думает о той.
Ей написал письмо на трёх страницах,
А через месяц получил назад.
Ну что с такой обидою сравнится,
Чем эта надпись «Выбыл адресат».
Вдруг стало всё бесцветным...
Не клеилась работа как на грех.
И виноват никто, как будто, не был,
Но счастье стало трудным, как у всех.

Эдуард Асадов

*Настоящую женщину
никаким мужем
не испортишь.*

РЫБЬЯ ЛЮБОВЬ

Как это ни странно, но единственный карась, живущий в пруде близ дачи генерала Панталыкина, влюбился по самые уши в дачницу Соню Мамочкину. Впрочем, что же тут странного? Влюбился же лермонтовский демон в Тамару, а лебедь в Леду, и разве не случается, что канцеляристы влюбляются в дочерей своих начальников? Каждое утро Соня Мамочкина приходила со своей тетей купаться. Влюбленный карась плавал у самого берега и наблюдал. От близкого соседства с литейным заводом "Кранделя сыновья" вода в пруде давно уже стала коричневой, но тем не менее карасю все было видно. Он видел, как по голубому небу носились белые облака и птицы, как разоблачались дачницы, как из-за прибрежных кустов поглядывали на них молодые люди, как полная тетя, прежде чем войти в воду, минут пять сидела на камне и, самодовольно поглаживая себя, говорила: "И в кого я такой слон уродилась? Даже глядеть страшно". Сняв с себя легкие одежды, Соня с визгом бросалась в воду, плавала, пожималась от холода, а карась, тут как тут, подплывал к ней и начинал жадно целовать ее ножки, плечи, шею...

Выкупавшись, дачницы уходили домой пить чай со сдобными булками, а карась одиноко плавал по громадному пруду и думал: "Конечно, о шансах на взаимность не может быть и речи. Может ли она, такая прекрасная, полюбить меня, карася? Нет, тысячу раз нет! Не обольщай же себя мечтами, презренная рыба! Тебе остается только один удел - смерть! Но как умереть? Револьверов и фосфорных спичек в пруде нет. Для нашего брата, карасей, возможна только одна смерть - пасть щуки. Но где взять щуку? Была тут в пруде когда-то одна щука, да и та издохла от скуки. О, я несчастный!" И, помышляя о смерти, молодой пессимист зарывался в тину и писал там дневник...

Однажды перед вечером Соня и ее тетя сидели на берегу пруда и удили рыбу. Карась плавал около поплавок и не отрывал глаз от любимой девушки. Вдруг в мозгу его, как молния, сверкнула идея: "Я умру от ее руки! - подумал он и весело заиграл своими плавниками. - О, это будет чудная, сладкая смерть!" И, полный решимости, только слегка побледнев, он подплыл к крючку Сони и взял его в рот.

- Соня, у тебя клюет! - взвизгнула тетя. - Милая, у тебя клюет! Ах! Ах!

Соня вскочила и дернула изо всех сил. Что-то золотистое сверкнуло в воздухе и шлепнулось в воду, оставив после себя круги.

- Сорвалось! - вскрикнули обе дачницы, побледнев. - Сорвалось! Ах! Милая!

Посмотрели на крючок и увидели на ней рыбку губу.

- Ах, милая, - сказала тетя, - не нужно было так сильно дергать. Теперь бедная рыбка осталась без губы...

Сорвавшись с крючка, мой герой был ошеломлен и долго не понимал, что с ним; потом же, придя в себя, он простонал: «Опять жить! Опять! О, насмешка судьбы!» Заметив же, что у него недостает нижней челюсти, карась побледнел и дико захохотал... Он сошел с ума.

Но я боюсь, как бы не показалось странным, что я хочу занять внимание серьезного читателя судьбою такого ничтожного и неинтересного существа, как карась. Впрочем, что же тут странного? Описывают же дамы в толстых журналах никому не нужных пескарей и улиток. А я подражаю дамам. Быть может даже, я сама дама и только скрываюсь под мужским псевдонимом.

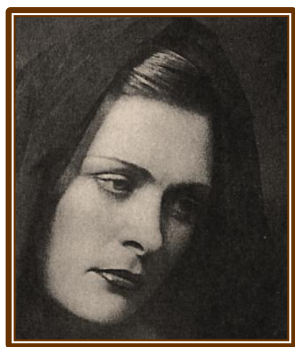
Итак, карась сошел с ума. Несчастный жив еще до сих пор. Караси вообще любят, чтобы их жарили в сметане, мой же герой любит теперь всякую смерть. Соня Мамочкина вышла замуж за содержателя аптекарского магазина, а тетя уехала в Липецк к замужней сестре. В этом нет ничего странного, так как у замужней сестры шестеро детей и все дети любят тетю.

Но далее. На литейном заводе "Кранделя сыновья" служит директором инженер Крысин. У него есть племянник Иван, который, как известно, пишет стихи и с жадностью печатает их во всех журналах и газетах. В один знойный полдень молодой поэт, проходя мимо пруда, вздумал выкупаться. Он разделся и полез в пруд. Безумный карась принял его за Соню Мамочкину, подплыл к нему и нежно поцеловал его в спину. Этот поцелуй имел самые губительные последствия: карась заразил поэта пессимизмом. Ничего не подозревая, поэт вылез из воды и, дико хохоча, отправился домой. Через несколько дней он поехал в Петербург; побыв там в редакциях, он заразил всех поэтов пессимизмом, и с того времени наши поэты стали писать мрачные, унылые стихи.

А.П. ЧЕХОВ.

Королева Арбата

Пятидесятые годы, Москва, последние школьные каникулы перед выпускным классом. После длительного периферийного проживания в отдалённом закрытом северном городке - гарнизоне подводников, я с восторгом окунулся в атмосферу, как мне казалось, необыкновенно счастливой послевоенной жизни жителей столицы.

За относительно короткое время я успел несколько раз побывать в Третьяковской галерее, на футбольном матче с участием кумира всех мальчишек - вратаря Алексея Хомича, посмотреть в театре «Эрмитаж» очередную программу Леонида Утёсова, оркестр Эдди Рознера в летнем театре ЦПКО им. Горького.

В этом же парке пользовался большой популярностью аттракцион «Гонки на мотоциклах по вертикали». Впервые попав на представление, я поразились смелостью, мужеством двух мотогонщиков, выполняющих невероятно крутые и рискованные, пересекающиеся виражи по вертикальной стене круглого деревянного сооружения.

Вторым мотоциклом управляла молодая, потрясающе красивая женщина - Наталья Андросова. С чувством восхищения и восторга смотрел я на эту сказочную красавицу, легко исполняющую сложные и опасные трюки. Невозможно было не влюбиться в эту яркую амазонку.

Ещё несколько раз я приходил на представления, чтобы только ещё и ещё взглянуть на неё. Но, увы, праздник заканчивался, пора было возвращаться к серым будням начавшихся школьных занятий.

Значительно позже я узнал о необычной судьбе легендарной мотогонщицы. Её дед был внуком Николая первого, и после скандальной любовной истории его разжаловали и перевели в Ташкент, где он занимался строительством ирригационной системы. В знак глубокого уважения за свой полезный труд деда прозвали Искандером, что значит Великий.

Искандер - теперь была его новая фамилия и титул, который он передал по наследству сыновьям Артемию и Александру - отцу Натальи. Вскоре Александр Николаевич женился на матери Натальи, происходившей из древнейшего польского дворянского рода.

В 1915 году у них родился сын Кирилл, а в 1917 году дочь Наталья. Во время революции отец Натальи воевал на стороне белых и ушёл с её отступающими частями за границу. Наталья с братом и мамой осталась жить во дворце деда, откуда в 1922 году переехала в Москву.

Вскоре их мать повторно вышла замуж за Николая Андросова, который записал детей как своих, дал им отчество и фамилию, и тем избавил от многих неприятностей.

Наталья росла отважной, рискованной и активной девушкой. Занимаясь в спортивном клубе «Динамо», она увлеклась мотоциклами и мотогонками, а в 1939 году начала работать на аттракционе «Гонки по вертикали» в парке им. Горького. Во время войны осталась в Москве, работала на грузовике.

Жила Андросова с братом и мамой в подвале на Арбате, увлекалась поэзией, имела широкий круг друзей среди известных поэтов и писателей. С довоенных лет в неё был влюблён поэт и драматург Александр Галич.

Были ли его чувства взаимны история умалчивает, но именно он в августе 1953 года впервые познакомил Наталью Андросову с писателем Юрием Нагибиным, о чём Юрий Маркович подробно вспоминает в своём опубликованном дневнике:

«В один из душных, раскалённых дней, в восьмом часу вечера раздался телефонный звонок.

- Юрушка, ты что делаешь? - послышался вкрадчивый голос Саши.

- Ничего. Я один. Все уехали на дачу.

- Хочешь видеть меня с двумя очаровательными дамами?

- Но мне нечем принять настоящих дам. В доме шаром покати. Кажется, есть кофе.

- Мы всё привезём. Берём такси и едем. - Саша сразу положил трубку.

Мне вспомнилось наставление Драгунского: никогда не поддавайся, если товарищ напрашивается к тебе с двумя дамами: вторая обязательно окажется крокодилком. Я пожалел о своём опрометчивом согласии, но отменить его не было возможности. Я едва успел прибрать в комнате, помыть рюмки и бокалы, когда восторженный лай эрделя Лёшки возвестил о приходе гостей.

Я открыл дверь и пережил одно из самых сильных потрясений в моей жизни. Как будто цветы внесли под звуки тарантеллы в убогую квартирёнку. Она наполнилась благоуханьем, светом, звенью молодой великолепной жизни. И не скажешь, какая из двух красивей, настолько они разные...

Одна - нордического типа: высокая, стройная, с развёрнутыми плечами, пепельноволосая, с матовыми серыми глазами; другая Дина Дурбин - один к одному. С гордостью принца-консорта Саша представил нордическую красавицу, назвав полным, хоть и утраченным титулом, затем её подругу, артистку эстрады, работавшую в номере знаменитого эксцентрика.

Меня ошеломили королевское происхождение и спортивная слава Княжны. Но сразила меня не она, а Дина Дурбин, что весьма обрадовало Сашу. Оказывается, они с Княжной были знакомы ещё до войны, но как-то не угадали друг друга, а сейчас пришло отнюдь не запоздалое прозрение.

Вот такой странный ход придумала судьба, чтобы перевернуть мою жизнь: в скором времени Дина Дурбин стала моей женой. Не было у меня ничего прекраснее той поры «парных» романов.

Мы старались не разлучаться.

Ходили вместе на выставки, в кино, на концерты, часами простаивали в деревянном павильоне, который Княжна сотрясала чудовищным громом своего ревущего, плюющего голубым дымом мотоцикла. Обедали и ужинали в ресторанах, где возникла какая-то домашняя, доброжелательная атмосфера. И стучали в висок пронзительно и волнующе, как свановская нота в сонате Вентейля: «Сталин сдох!..Сталин сдох!..»

Эту историю мне хочется продолжить из сегодняшнего дня. Я никак не мог отыскать нужную мне улицу возле метро «Молодёжная». В двух шагах от большой магистрали никто и слыхом о ней не слыхал. Но я всё же отыскал эту унылую новостроечную улицу и как-то высчитал дом, проехав его, поскольку на нём не было номера. Когда я разворачивался, в машине что-то заело, и сигнал завыл сиреной.

Я никак не мог унять истошный вой; захлопали окна, на мою голову обрушилась злая и справедливая ругань. Наконец вой стих, я развернулся и подкатил к подъезду. Увидел сидящих на завалинке старух. И узнал её раньше, чем она поднялась, опираясь на костыли...

- Ну, здравствуй.

- Здравствуй.

Мы поцеловались, встретившись через жизнь.

- Ты не знаешь, что за сволочь там гудела?

- Знаю. Это я.

Она засмеялась, и я сразу увидел её такой, какой она была тридцать пять лет назад. Это окружающие старухи отбрасывали на неё свой тускло-тленный отсвет, да костыли сбивали глаз с цели. А теперь я видел: загорелое лицо с крепкими высокими скулами, чудесные серые глаза, пепельные волосы, благородную статью. В жилах Наташи текла царская кровь...

Правда, её отец Романов, белая ворона в державной семье, был лишён великокняжеского сана за мезальянс: женился на женщине незнатного происхождения. Таким образом, Наташа оказалась не Великой, а простой Княжной, но крестила её греческая королева. Этого было более чем достаточно, чтобы испортить жизнь.

Дальше семилетки её не пустили. Наташа пробавлялась то шитьём, то черчением, то спортом, то шоферила. И от всей этой жизни полезла на стену - в буквальном смысле слова, вошла в номер мотоциклиста Смирнова: гонки по вертикальной стене. Кто из старых москвичей не помнит легендарную Наталью Ан드로зову, сотрясавшую деревянный павильон в ЦПКО своим бешеным мотоциклом?!

Бесстрашная красавица стала королевой старого Арбата, где жила в полуподвале. Лишь с приходом Булата Окуджавы началось двоецарствие: Межиров и Вознесенский посвящали ей стихи, Юрий Казаков сделал героиней рассказа.

Случалось, Наташа падала, ломала кости, попадала в больницу. Но, подлечившись, снова входила в свой смертельный номер. Для Наташи её спортивная страда обернулась костылями. Измолотые хрящи срослись намертво, каждое неосторожное движение оборачивается скрутом боли.

Костыли не вздыбили ей плечи, не испортили фигуры. Упираясь сильными руками в перекладыны, она подвешивает своё по-прежнему безукоризненно стройное тело. Так же стройны её длинные ноги, только не могут сами ступать...

Мы поднялись на лифте. Дверь квартиры была нараспашку.

- Доверчиво живёшь!

- Да кто ко мне полезет? Что у меня взять?

Взять и правда нечего. Разве только тринадцатилетнюю маленькую дворняжку с седой мордочкой.

Стол, шкаф, два-три стула, узкая лежанка, полка с книгами, несколько фотографий. Среди них карточка подростка с нежным, добрым, благородным лицом. Это Наташин кузен Алёша - Наследник Русского Престола - расстрелянный вместе со всей семьёй в екатеринбургском подвале...

Наташа протянула мне листок бумаги со стихами, я ещё издали узнал чёткий Сашин почерк. По-моему, стихи эти не были опубликованы. Вот они:

НАТАШЕНЬКЕ

Буду ждать привета, слова, вести,
Где бы жить теперь не довелось
Если уж нельзя быть вместе, вместе
Будем жить, покуда, вместе - врозь!

Ну а там - кто знает! К счастью, на дом
Нам за жизнь не присылают счёт!
Может, мы ещё и будем рядом,
Всё, как кем-то сказано, течёт!

И ведь должен, должен быть порядок –
Чувствам, судьбам, времени предел ...
Этот август... как он пролетел,
Как он был, почти безбожно, краток.

Август 1953 г.

Прошло немало лет, сменилась эпоха и, как сказал поэт «одних уж нет, а те далече». Случилось так, что после крайнего севера один из московских переулков Арбата стал основным местом моего постоянного проживания.

Все москвичи, как в пору моих школьных дней, уже не кажутся необыкновенно счастливыми людьми. Вместе с ними в очередной раз выхожу из метро, и в потоке праздной гуляющей публики возвращаюсь домой по улице старого Арбата, ставшей пешеходной.

У дома № 30 замедляю шаги, именно здесь жила в полуподвале королева Арбата - Наталья Андреевна, предмет восхищения моей юности. А в соседнем доме - писатель Юрий Казаков.

Невольно вспоминаю его слова, посвящённые ей:

«Она была богиня, мотогощица и амазонка. Все ребята с Арбата и из переулков знали её красный с никелем «Индиан-Скаут». У каждого в душе, как сияющий образ, горели неугасимо её нечеловечески красивое лицо и летящая фигурка в мужской ковбойке или в жакетке, прекрасные ноги в бриджах и крагах, нежно сжимающие ревуший, звероподобный «Индиан-Скаут». Это было страшно и прекрасно, лицо её бледнело, глаза расширялись, и длинные рыжеватые локоны её развевались сзади, оставляя за собой золотой след».

Герман Ануфриев.

Проза.ру © Copyright: Герман Ануфриев, 2015
Проза.ру Свидетельство о публикации №215082200053
Печатается с любезного разрешения автора.

Мне снилась женщина и лес в лучах заката,
Дорога пыльная, и, более того,
Мне снилась родина, которой нет на картах,
Мне снилась родина, где было так легко,

Где все далёкие исполнились заветы,
И под горой в лесу нас ждал высокий дом.
Была та родина во многом схожа с этой,
Но вся - пронизана неведомым теплом.

Мне снилась родина, где был я понят всеми,
И счастлив был, как воробьи в пыли...
И, влажное, во сне так сильно билось сердце,
И слёзы так легко и радостно текли.

Виктор Еращенко.

Утешитель

Мишеньку арестовали.

Маменька и тетенька сидят за чаем и обсуждают обстоятельства дела.

- Пустяки, - говорит тетенька. - Мне сам господин околоточный надзиратель сказал, что все это ерунда. Добро бы, говорит, студент, а то гимназист-третьеклассник. Пожучат, да и выпустят.

- Пожучить надо, - покорно соглашается маменька.

- А потом тоже, и пистолет то ведь старый, его и зарядить нельзя. Это всякий может понять, что, не зарядивши, не выпалишь.

- Ох, Мишенька, Мишенька! Чуяло твое сердце. Он, Верушка, как эту пистоль то завел, так сам три ночи заснуть не мог. Каждую минутку встанет да посмотрит, как эта пистоль то лежит. Не повернулась ли, значит, к нему дыркой. Я ему говорю: «Брось ты ее, отдай, у кого взял». И бросить нельзя - товарищи велели.

- Так ведь оно незаряжено?

- Незаряжено то оно незаряжено, да Мишенька говорит, что в газетах читал, быдто как нагреется пистоль от солнца, так и выстрелит; и заряживать, значит, не надо. В Америке быдто нагрелась, да ночью целую семью и ухлопала.

- Да солнца то ведь ночью не бывает, - сомневается тетенька.

- Мало что не бывает. За день разогреется, а ночью и палит.

- Не спорю, а только много и врут газеты то. Вот намедни Степанида Петровна тоже в газете вычитала, быдто на Петербургской стороне продается лисья шуба за шестнадцать рублей. Ну, статочное ли дело? Чтобы лисья шуба...

- Врут, конечно, врут. Им что! Им все равно. Что угодно напишут.

Дверь неожиданно с треском распаивается. Входит гимназист - Мишин товарищ. Щеки у него пухлые, губы надуты, и выражение лица злое.

- Здравствуйте! Я зашел... Вообще считаю своим долгом успокоить. Волноваться вам, в сущности, нечего. Тем более что вы, наверно, были подготовлены...

У маменьки лицо вытягивается. Тетенька продолжает безмятежно сплевывать вишневые косточки.

- Можете, значит, отнестись к факту спокойно. Климат в Сибири очень хорош, особенно полезен для слабогрудных. Это вам каждая медицина скажет.

Тетенька роняет ложку. У маменьки глаза делаются совсем круглыми, с белыми ободочками.

- Вот видите, как вы волнуетесь, - с упреком говорит гимназист. - Можно ли так... из-за пустяков. Скажите лучше, были ли найдены при обыске ком пром... прометирующие личность вещи?

- Ох, Господи, - застонала маменька, - пистоль эту окаянную да еще газетку какую то!

- Газету? Вы говорите: газету? Гм... Осложняется... Но волноваться вам совершенно незачем.

- Может быть, газета-то и не к тому... - робко вмешивается тетенька. - Потому он на газету то только глазом метнул, да и завернул в нее пистолет. Может быть...

Гимназист криво усмехнулся, и тетенька осеклась.

- Гм... Ну, словом, вы не должны тревожиться. Газета. Гм... Тем более что тюремный режим очень хорошо действует на здоровье. Это даже в медицине написано. Замкнутый образ жизни, отсутствие раздражающих впечатлений - все это хорошо сохраняет... сохраняет нервные волокна... Каледонские каторжники отличаются долговечностью. Михаил может дотянуть до глубокой старости. Вам, как матерям, это должно быть приятно.

- Голубчик, - вся затряслась маменька, - голубчик! Не томи! Говори, говори все, что знаешь. Уж лучше сразу!

- Сразу! Сразу, - всхлинула тетенька. - Не надо нас готавливать. Мы тверды...

- Говори, святая владычица.

Гимназист пожал плечами.

- Я вас положительно не понимаю. Ведь ничего же нет серьезного. Нужно же быть рассудительными. Ну, газета, ну, револьвер. Что за беда! Револьвер, гм... Вооруженное сопротивление властям при нарушении судебной обязанности... В прошлом году, говорят, расстреляли одного учителя за то, что тот очки носил. Ей Богу! Ему говорят: «снимите очки».

А он говорит: я, мол, ничего не могу невооруженным глазом. Вот его за вооружение глаз и расстреляли. Что же касается Михаила, то, само собой разумеется, что револьвер будет посерьезнее очков. Да и то, собственно говоря, пустяки, если принять во внимание процент рождаемости...

Маменька, дико вскрикнув, откидывается на спинку дивана. Тетенька хватается за голову и начинает громко выть.

В дверь просовывается голова кухарки.

- Ну, разве можно так волноваться! Ай, как стыдно! - ласково журит гимназист.

Кухарка голосит: и на кого ты нас...

- Ну с, я вечером опять зайду, - говорит гимназист и, взяв фуражку, уходит с видом человека, удачно исполнившего тяжелый долг.

Надежда Тэффи.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПРИМЕТА

Прощальные приметы лета:
Туман и сухостой травы,
Да горсть желтеющей листвы,
Спадающая прядью с веток.

С утра прохладит и дождит,
Но не в усладу, а напротив.
И оттого, быть может, строки
Приобретают тот же вид,

Что свойственен особым вкусам
С их горько-пряной холодцой...
Вот так же нехотя, с ленцой,
Как в нитку собираешь бусы,

Ты пишешь в этот ранний час
Стихи дремотною душою.
Сплошной забор! Ты ж ищешь лаз,
Надеясь, что за запятою

Ты в лето всё же проскользнёшь,
Ты окунёшься снова в лето,
Но всякий раз ты узнаёшь
Опять прощальную приметку.

Вот так который год живёшь,
Вот так который год бытуешь...
А то, случается, найдёшь
Зацепочку да и рифмуешь.

Вот тут и дождь, и холода,
И лоскуты с нарядов лета –
Всё в гору твоему поэту!
Что ни возьми, всё не беда!

3 сентября 2016 Сайт «Свете Тихий».

Терентій Травнікь. Москва.

О
С
Е
Т
Ь
Я
Я

Разноцветный октябрь укрывает остывшую землю
тёплой шалью летящей за ветром последней листвы,
как причастие к тайнам я грустную пору приемлю
и люблю её так, как когда-то любила и ты.
Что поделать? Назначено время ненастью,
так устроено кем-то ещё с первозданных времён
и завидую я краткосрочному птичьему счастью
-каждый год улетать в мир священный библейских имён.
Там в горячих песках на закате поют пирамиды
и горбатый корабль за собою ведёт бедуин,
и защитница мёртвых, богиня Египта Изиды
провожает глазами несущих к реке паланкин.
На пороге зима и из форточки холодом веет,
день-другой промелькнут и падут до апреля снега,
но сегодня как раз лучик солнца мне душу согреет,
словно пышный букет на картине Эдгара Дэга.

Сайт «Свете Тихий»

Юрий Берг.

Э
Л
Е
Г
И
Я

На льдинах плывут свечи

На льдинах плывут свечи

Когда они шли куда-то вдвоём, то выглядело это немного неуклюже и как-то нелепо: она - семенящая мелким шагом, переваливающаяся с ноги на ногу, точно гусыня, в каких-то непонятного размера одеждах, испачканных, грязных и скомканных, как лист выкинутой бумаги, и он - высокий и тощий, весь в пёстрых, ворсистых лохмотьях, словно разбуженный посреди зимы медведь-шатун; слегка горбится и втягивает голову в плечи - стесняется занимаемого им места в пространстве. Иногда они держались за руки, и тогда моё сердце наполняло безразмерное чувство теплоты, в своей избыточности переливавшееся наружу и расплывавшееся по всему телу, а уголки губ сами собой подпрыгивали вверх, крепясь на лице широкой и мягкой улыбкой. Она выглядела беззащитным карапузом, а он, слегка выдаваясь вперед, потечески заграждал её собой. Так всё это смотрелось со стороны, когда они шли по территории мимо моей будки.

Возле трубы тепловой магистрали, проходящей вдоль самой кромки берега, они сладили себе палатку из какого-то непонятного разноцветного материала и коротали ночи в ней, зарюхавшись с головой во всевозможные, собранные со всех улиц города старые, драные одежды. Несколько раз я видел с ними совсем ещё маленькую белобрысую девчушку и немного обеспокоившись, решил спросить. «Это доча» - ответил он.

И с этого самого его ответа внутри меня поселилось неприятное и нудящее чувство долга, заострившись до такой степени, что каждый раз, пуская свои мысли в вольный полёт, я постоянно наткался на него и мне становилось не по себе, потому что: а правильно ли вообще, что она ходит с ними? Впрочем, вскоре это прекратилось - доча перестала появляться; я не спросил почему, но подумал, что так оно, конечно же, лучше.

Для себя я решил, что буду с ними общаться всегда вежливо и уважительно, и вообще помогать, чем смогу, потому что, хоть дочи больше и не было видно, но мне казалось что им тоже я немного обязан. Всё-таки это не хорошо, когда ты имеешь, пусть даже самое обычное и естественное для большинства людей, что, собственно, и составляет основу нашего существования, а кто-то не имеет даже этого... и живёт так, что смотреть на него в общем-то больно.

Они просили у меня кипяток, соль, иногда приносили заваривать лапшу, но чаще отдавали на зарядку телефоны. Она всегда улыбалась и была приветлива, но что бросилось мне в глаза с самого первого раза - ровные и очень белые зубы, несколько смешно и даже вычурно смотревшиеся на коричневом от загара и грязи лице. «Добрый день, поставь, пожалуйста, телефон», «А у тебя не будет случайно соли?», «Нам бы тут кипятку - картошку заварить». Он, что несколько резало моё ухо, обращался ко мне на вы: «Мы вам уже, наверно, надоели», - это про телефоны; «Витя, вы не знаете, где Константиныч?»; «Можно взять лопату?». Работа для них иногда находилась тут же, на территории: подмести мусор, снести раскиданные по всем углам бутылки и коробки в мусорные баки, натаскать металлолома. Иногда директор их забирал с

собой на целый день - строил дачу, и тогда вечером они шли обратно все вымазанные в какой-то ржавчине и растворе, с подранными штанами и рубашками. И он держал её за руку.

Я никогда не заводил с ними долгих разговоров, и всё наше общение протекало в основном в несколько утилитарном русле. Мне очень хотелось избежать того момента, когда они меня попросят о чём-то, чего я не смогу сделать, скажем, в силу своей лени или жадности. Я почему-то был уверен, что такой момент обязательно настанет, и мне заранее было немного неудобно и стыдно перед ними. С каким же облегчением я вздохнул, когда однажды на её вопрос «У тебя не будет ста рублей занять до следующей смены?», - ответил: «Нет». И тут же подошёл к своей куртке, нащупав в кармане ровно ту сумму, которой мне хватало только на проезд до дома. Я никогда и не брал с собой больше. Это была их единственная просьба, которая превышала границы моих возможностей. В остальном всё было стандартно: телефоны и кипяток. По мере увеличения разнообразия моделей телефонов, отдаваемых мне на зарядку, моё чувство обязанности затухало всё больше и больше. Иные телефоны я бы, к примеру, не мог себе позволить...

Ближе к октябрю месяцу ветер разметал их хлипенькую палатку, украсив её ошметками близлежащие деревья и трубы. Сами они перебрались куда-то в другое место, но неподалёку, потому что, как и прежде, приносили телефоны и приходили подработать, если была такая возможность. Их лица и руки изрядно почернели - мыться было негде. Приветливая летом река, сейчас уже неприятно обжигала холодом. Сами они кутались в безразмерные рваные ватники и толстые трубоподобные штаны, все в масляных, отливающих глянцем пятнах.

В последний раз я видел её немного пьяную. Она пришла ко мне пошатываясь и протянула разобранный телефон с подзарядным в грязных, чёрных руках. Весело выругала телефон матом, хмельно улыбнулась и сказала, что завтра утром он придёт и заберёт его.

Вечером, после обхода, я люблю пройтись по берегу и посмотреть на реку, на то, как свет городских огней окрашивает небо во все оттенки лилового, и как огромные прожекторы и фонари расположенного по соседству завода мощно бьют вглубь реки, делая её по-дневному видной метров на двести-триста. Рыбаки любят это место и часто остаются с ночёвкой. Но это летом. В тот вечер не было никого. Я смотрел вдаль, и пытался сквозь ночную темь уловить абрисы далёких сопков, что мне едва удавалось. С верховьев реки огромными белыми полями вниз, к морю, сплавлялись льдины, крошась своей кромкой о бетонные опоры танкерного причала, соединённого с нашим берегом небольшим мосточком. Льдины были похожи на упавшие в воду облака. В воздухе пахло снегом. На небе буквой «с» висела жёлтая луна. Наше небольшое улово было полностью забито бело-серым льдом и кое-где на нём особо нетерпеливые любители подлёдного лова уже успели оставить свои следы.

- Она умерла вчера. - Он подошёл со стороны, бесшумно, и встал рядом.

Слева, где-то в километре от нас, городская набережная, собрав в кучу все свои бесчисленные аттракционы, американские горки и чёртово колесо била высоко в небо плотным столбом света.

- Мы похоронили её сегодня. Сами. Никуда не звонили.

С правой от нас стороны над рекой цепью огней нависал мост, порывивавший время от времени гулом проходящих по нему поездов; шумели и всевозможные машины, отбивающие своими колесами незамысловатый ритм на дорожных стыках моста.

Я ничего ему не отвечал. Я и не знал, что отвечать. Да и надо ли. Я смотрел на противоположный берег реки и видел два невдалеке друг от друга расположенных зелёных огонька. Что это? Неужели забыли погасить створы? Хотя створы зелёным вроде бы и не горят...

- Надо найти себе друга. Тяжело одному. Без друга.

Рядом с нами пыхтела высоченная кирпичная труба, выдувая из своей прокуренной пасти серый дым, на самом её верху, возле горловины, рубиновым ожерельем примостились густые, красные огни.

- Гляньте, Витя, посмотрите! - он вдруг воскликнул непривычно весело: - Видите? - и слегка поддел меня рукой, - На льдинах плывут свечи!

Я всмотрелся в темноту. Далекое в середине реки, на самом фарватере, там, куда не достаёт мощь береговых огней, тяжело ползли льдины, выдавливая из себя скрадываемую осенней вечерней тьмой, но всё же едва заметную глазу белизну. А на льдинах весело и ярко желтели маленькие огоньки, словно кто-то и впрямь зажег свечи и пустил их в плаванье...

На каждой льдине их было немного, штук по пять-шесть, но горели они так живо и так понастоящему, что выглядело это всё как-то нереально и сказочно.

На несколько секунд я выпал из этого мира...

А когда вернулся, то понял, что это лунный свет так причудливо и как-то выборочно отражался во льдах, даря нам этот небольшой, но такой тёплый сердцу кусочек времени.

Я взглянул на него.

Он смотрел на реку и улыбался, а его глаза блестели и в них тоже отражался какой-то свет. - Это для неё, - он сказал. - Это специально для неё зажгли.

Я похлопал его по плечу и пошёл к себе.

Возле ворот обернулся - он всё ещё стоял: один человек и один мир вокруг. И кто-то ещё, зажжённый для него эти свечи.

А на утро выпал снег.

Евгений Жарков

© Copyright: Евгений Жарков, 2016 Печатается с любезного разрешения автора.
Проза.ру Свидетельство о публикации №216111301196

Лучшее окончание спора с женщиной: притвориться мертвым.

ПОПУГАЙЧИК

- Уже опаздываю! - крикнул дедушка от зеркала у входных дверей квартиры, поспешно застегивая форменный китель и надевая фуражку. - Где кейс?

- Сейчас, сейчас...

Бабушка колом выкатилась из кухни, где укладывала бутерброды и термос в серый чемоданчик. Вручив его дедушке и заперев за ним дверь, беззлобно пробурчала:

- И дался ему этот кейс! Жить прямо без него не может. Невелика шишка...

Пятилетний Димка сопел и кряхтел, стараясь отломать колесо от купленного недавно игрушечного грузовика. На дедушку мальчишка дулся уже второй день: неслыханное дело - отшлепал внука! И было бы еще за что... Ну, отвинтил Димка с дедушкиных наплечников на кителе три крупные звездочки - две крайние с одного и, которая ближе к воротнику, - с другого. Так их еще вон, сколько осталось: и на рубашках, и на двух тяжелых шинелях в шкафу... Не думал Димка, что дедушка у него такой жадный. Еще и кричал, когда вроде уже на службу ушел и вдруг назад быстро-быстро вернулся, все звездочки отобрал, да вдобавок за ухо оттрепал.

Крак! И с упрямым колесом наконец-то было покончено.

Малыш покосился на маму, перед зеркалом подрисовывающую глаза. Недавно он стянул из маминой плетеной коробки, украшенной кружевами, красивый пузырек с красной краской, в крышке которого была такая маленькая удобная кисточка, и покрасил себе не только ногти, но и все пальцы, чтобы доказать: он уже совсем большой. Но... Лучше и не вспоминать.

Димка вздохнул и потихоньку открыл дверь из спальни в зал. Там над столом склонился папа, у которого, взрослые говорили, началась какая-то сессия. Папа тоже рисовал. Впрочем, по-обычному: на бумаге. Правда, лист у него был огромный, почти во весь стол. Вот если бы Димке такой и все эти блестящие штучки! Особенно ту, которой так ловко делаются ровные кружочки. А то у него они никогда такими не выходят, в лучшем случае похожи на яйцо.

Папа сделал еще кружочек и положил блестящую, интересно переламывающуюся штучку на стол. Р-раз! - шпионерил ее Димка и спрятал за спиной. Не оборачиваясь, папа сказал:

- Сынуля, не мешай мне чертить, пойдешь к маме.

Димка послушно зашлепал к зеркалу.

- Мама! Посмотри, что у меня есть! Я сейчас буду делать ловные клужочки!

Видя, что мама никак не обращает на него внимания, Димка совсем немножко ткнул ее блестящей штучкой в поясницу. Ой! Он не знал, что мама может так высоко прыгать! И так громко кричать! Ай! Ну подзатыльник-то за что?

Мама и папа ругались.

- Ты не в состоянии последить за ребенком пять минут! - выговаривал папа.

- Поменьше паясь вечерами в свой обожаемый ящик - в другой раз утром не придется дочерчивать второпях! - оборонялась мама.

- А тебе бы только перед зеркалом часами вертеться!

- Вот уж это не твоего мужского ума дело!

Тут конец конфликту положила бабушка.

- А ну, марш в институт и на работу! - командирским голосом приказала она. - Нечего у ребенка и друг у друга на нервах играть!

Родители умчались. Димка же отломал от грузовика второе колесо, потом, под неусыпным оком бабушки позавтракал так надоевшей манной кашей с ягодками (вишневым вареньем), попил чаю с печеньем, и тут в гости пришла соседка, тетя Наташа. У нее есть внучка Яна, и они с Димкой часто играют вместе, но с недавних пор девочка стала ходить в подготовительный класс, и сегодня как раз день его посещения.

Пока женщины беседовали на кухне, Димка добрался до бабушкиной кровати - самой интересной во всей квартире, с шариками на металлических спинках. Бабушка утверждала, что кровать с ней всю жизнь прожила, все гарнизоны объездила и ни на какую новомодную мебель она это ложе не променяет. Поднатужившись, Димка отвинтил один шарик и положил его в рот. Ну что это за глазастая бабушка: тут как тут! Шарик отняла, опять ругать...

Потом Димка сидел на кухне и безуспешно пытался понять, что может означать фраза: «Дядя Вася в последнее время слишком часто заглядывает в бутылку». Сам Димка уже дважды посмотрел и в пластиковую бутылку из-под минералки, и в стеклянную, из-под пива. Абсолютно ничего интересного. Уй, какие все-таки глупые бывают взрослые!

Перед тем как соседка ушла, бабушка, вздохнув, пожаловалась ей:

- Из Борьки и Людки - воспитатели никудышные. Самим бы еще в куклы и компьютерные стрелялки играть. - Это она про папу и маму. Димка сразу уточнил:

- Бабушка, а ты - кудышный воспитатель?

Бабушка засмеялась, но почему-то ничего не ответила.

Потом Димка играл с конструктором, смотрел цветные картинки в книжке, а бабушка учила его буквам. Димка уже знал букву «А», которая похожа на домик, букву «Д», потому что с нее начинается его имя, а сегодня учили мамину букву «М». Оказывается, это еще и коровья буква. «Му-у!» А умеет ли мычать мама?

...Обед - это, конечно, самая большая пытка. Особенно суп или борщ. Когда Димка вырастет, он никогда-никогда не будет есть первое.

После еды бабушка уложила внука спать. И приснился Димке удивительно прекрасный сон: будто он уже совсем взрослый, а папа, мама и даже бабушка с дедушкой вдруг стали маленькими. Ах, как хорошо было всеми командовать! ...Когда Димка проснулся, и мама и папа уже оказались дома. Едва вылезши из кровати, он сразу же авторитетно заявил родителям:

- Вы - никудышные воспитатели, а бабушка - кудышный.

Вместо того чтобы похвалить - очередная несправедливость! - его выставили из комнаты. Папа, мама и бабушка что-то говорили за дверью друг другу. Димка разобрал: «Мама, вы постоянно ставите нас в неудобное положение».

Затем бабушка повела внука гулять в городской сад. По дороге пожурила:

- Эх ты, болтунишка! Что ему ни скажи - через пять минут как свое выложит...

Димка с бабушкой покатались на карусели, а потом зашли в магазин, где мальчуган сам опустил монету в прорезь стеклянного ящика, который тут же выдал жевательную конфету, а бабушка почему-то назвала этот ящик автоматом. Это она ошиблась. Автомат у Димки лежит дома, и у него сломалась батарейка. Так что лампочка на дуле больше не включается и оружие не жужжит.

Вернувшись домой, Димка немножко поиграл, а потом умудрился облиться водой из таза, в котором плескалась купленная бабушкой живая рыба.

Наконец со службы пришел дедушка. Решив, что хватит дуться на него за звездочки, Димка поспешил в коридор и стал выкладывать семейные новости.

- Мама велится перед зеркалом, а это - не мужского ума дело! - сообщил он. - А папа пялится в обожаемый ящик! И еще они играют у ребенка на нелвах и никудышные воспитатели, а бабушка - кудышный...

Дедушка крякнул.

- Еще дядя Вася часто заглядывает в бутылку, - продолжил Димка, довольный произведенным эффектом, - а я больше не голубчик, а болтунишка, а бабушка ставит папу с мамой в неудобное положение...

Дедушка открыл рот.

Но самое главное внук приберег напоследок.

- Ты, дедушка, жить не можешь без кейса. Он тебе дался... - Димка скопировал насмешливое, как у бабушки утром, выражение лица и торжествующе закончил: - Невелика шишка...

Ф.М. ОШЕВНЕВ.

Лень - это просто привычка отдыхать до того, как устанешь.

ЗОЛОТАЯ ВОДА

(Научная фантастика)

«Вода дороже золота, малая капля воды высекает из песка зеленую искру - былинку».
(Антуан де Сент-Экзюпери)

В городе N-ске произошло непредвиденное. В этот день из крана пошла золотая вода. Точнее сперва она была обычной, но, вытекая из крана, до того, как успевала набраться в любую ёмкость, становилась золотой. Мало того, через некоторое время, она затвердевала и превращалась в кусок золота.

Первым это открытие сделал дворник ЖЭСа. Встав в 4 утра, он решил умыться. Не открывая глаз прополоскал руки водой из под крана и умылся. Через несколько секунд он почувствовал неприятные стягивающие ощущения. Глянув на руки, дворник с изумлением увидел, что они покрыты золотой фольгой. В зеркале он увидел такое же золотое лицо, на котором особенно резко выделялись усы. Благо, эта золотая корка легко отделялась подобно засохшему на руках клею ПВА....

К девяти часам утра, когда проснулось большинство жителей, о том, что случилось знал весь город. Городские власти, создав экстренную комиссию с привлечением местных специалистов по водоснабжению и гражданской обороне, а так же местных учёных пытались разобраться в происходящем.

Научному объяснению это явление не поддавалось. Но граждане, быстро смекнув, что к чему, не замедлили воспользоваться ситуацией. Ещё никогда ни в одном месте земли, включая легендарный Клондайк, не было собрано сразу столько золотообладателей. У некоторых золотом были заполнены все имеющиеся ёмкости. Наиболее расторопные наполняли ванны и поливочные бочки.

Проблемы начались уже через несколько часов. Люди хотели пить, однако утолить жажду было нечем. Даже минеральная вода, прозрачная в бутылке, после открытия превращалась в золото. Заварить чай в золотой воде было невозможно. Лимонады и соки после открытия так же меняли свои свойства, становясь непригодными для употребления внутрь. Надо сказать, что было лето, день выдался жаркий. Люди и животные хотели пить, растения требовали полива.

А пока жители - кто с интересом, а кто с испугом - на все лады обсуждали новость и следили за событиями. Этому явлению сразу же нашлось применение у местных модниц. Волосы, смоченные золотой водой позволяли создать поистине фантастические причёски. Ногти окрашенные ею становились золотыми. Зубы, почищенные золотой водой, сверкали в лучах солнца. Улицы наводнили «золотые» модницы и златозубые красавцы.

Но, всё это было внешнее. А жажда всё больше давала о себе знать. Присланные из района машины с питьевой водой оказались бесполезны. Как только вода начинала литься из крана, она тут же становилась золотой. Единственные пригодные для питья жидкости, которые не превращались в золото, были кефир и простокваша. Очевидно, реакция молочнокислого брожения вырабатывала какой-то иммунитет против «озолачивания» жидкости. Молочные отделы магазинов мгновенно опустели. Граждане запасались кефиром.

Не обошлось и без несчастных случаев. Несколько граждан, кто по недомыслию, а кто не разобравшись, имели неосторожность попить воды из крана. Некоторые даже умудрились опохмелиться золотой водкой и пивом. Сейчас в реанимации принимали экстренные меры, пытались спасти пострадавших.

Жажда...

Руководство района и области всерьёз задумались об эвакуации города. Тем более, было установлено, что загадочное явление распространяется только до пределов 5-6 километров от

городской черты. В округе появилась масса золотых прудов, озёр и бывших речушек. В остальных близлежащих населённых пунктах района всё было в порядке. О чрезвычайном происшествии было доложено в столицу. Группа учёных Академии наук срочно вылетела в город N-ск.

***

И вдруг, спустя 12 часов всё нормализовалось. Из крана пошла обыкновенная вода. А всё золото превратилось в обычную воду.

Больше всего пострадали наиболее ушлые граждане. Одна группа весь день занималась тем, что разливала золотую воду в формы, потом оттуда извлекались золотые слитки и складывались в штабеля. Сейчас эти горе-старатели стояли по колено в воде и крыли на чём свет золото, науку и заодно - правительство (хотя, причём тут правительство - не ясно). Учёным оставалось только строить догадки и выдвигать гипотезы - одну фантастичнее другой. Но ни один из них, ни на шаг так и не смог приблизиться к разгадке.

***

В 15 часов 57 минут исследовательский беспилотный зонд из далёкой галактики A1689-zD1 свернул программу изучения выбранного объекта. Жители третьей от светила планеты оказались вполне разумны, что позволяло внести их в потенциальные кандидаты на членство в Межгалактическом союзе миров.

Зонд, висевший над городом N-ском в режиме «инкогнито» на высоте 3-х километров, не видимый ни в одном диапазоне, набирая скорость, устремился ввысь. Никем не замеченный, он покинул атмосферу и скрылся в безбрежных далях космоса.

А вместе с ним исчезло Au-излучение*, делавшее его невидимым и ставшее причиной удивительных событий сегодняшнего дня.

* - от латинского *Augur* – Золото

Павел Подзоров.
Республика Беларусь.

Сколько же надо заплатить, чтобы дёшево отделаться?

Люби лишь то, что редко и мнимо,
что крадется окраинами сна,
что злит глупцов, что смердами казнимо,
как родине, будь вымыслу верна.
Наш час настал. Собаки и калеки
одни не спят. Ночь летняя легка.
Автомобиль проехавший навеки
последнего увез ростовщика.
Близ фонаря, с оттенком маскарада,
лист жилками зелеными сквозит.
У тех ворот - кривая тень Багдада,
а та звезда над Пулковом висит.
Как звать тебя? Ты полу-Мнемозина,
полумерцанье в имени твоём,
и странно мне по сумраку Берлина
с полувиденьем странствовать вдвоем.
Но вот скамья под липой освещенной...
Ты оживаешь в судорогах слез:
я вижу взор, сей жизнью изумленный,
и бледное сияние волос.
Есть у меня сравненье на примете
для губ твоих, когда целуешь ты:

нагорный снег, мерцающий в Тибете,
горячий ключ и в иные цветы.
Ночные наши бедные владенья,
забор, фонарь, асфальтовую гладь
поставим на туза воображенья,
чтоб целый мир у ночи отыграть.
Не облака, а горные отроги,
костер в лесу, не лампа у окна.
О, поклянись, что до конца дороги
ты будешь только вымыслу верна...
Под липовым цветением мигает
фонарь. Темно, душисто, тихо. Тень
прохожего по тумбе пробегает,
как соболю пробегает через пень.
За пустырем, как персик, небо тает:
вода в огнях, Венеция сквозит, -
а улица кончается в Китае,
а та звезда над Волгою висит.
О, поклянись, что веришь в небылицу,
что будешь только вымыслу верна,
что не запрешь души своей в темницу,
не скажешь, руку протянув: стена.

Стихотворение из романа «Дар». 1938

Владимир Набоков.

ВОЛК ИЛИ МЕДВЕДЬ?

О некоторых идеологических и прикладных аспектах взаимоотношений общественного сознания с системой государственных символов России.

Давно стало общим местом, рассуждая о символах государства и отношении к ним рядовых граждан, упоминать, в первую очередь, США. И в самом деле, герб, гимн и, в особенности, национальный флаг этой страны стали со временем не только атрибутами официальных мероприятий, но и привычным фоном частной жизни американцев.

Таковое состояние общественного сознания, несомненно, есть закономерный совокупный результат всего исторического развития нации. И все бы ничего, если бы не возникала у россиян, в массе своей испытывающих отчужденность к нынешним отечественным символам, если и не комплекс неполноценности, то все же некую

ущербность. Причем, явление это особенно усилилось после распада союзной державы.

В то же время применительно к России проблема эта представляет определенную сложность по целому ряду причин, главные из которых как исторически сложившаяся привнесенность ее государственной символики, так и сложнейшая модель этногенеза народов, населяющих страну, включая процесс формирования титульной нации. Нельзя не принимать во внимание и всю драматичность коллизии, связанной с троекратной (!) сменой державных символов, случившейся здесь в 20-м веке, по сути, в течение жизни одного поколения.

Важно осознать то обстоятельство, что символы государственной власти являются не просто эффектными зрительными образами. На качественно ином уровне, в идеале, они призваны служить концентрированным художественным выражением (не путать с иллюстрацией!) той основополагающей концепции, того фундамента и каркаса конкретного государственного образования, что принято еще называть национальной идеей. Таким образом, размышляя о скрытых механизмах воздействия государственной символики на тектонические основы общественного сознания, видимо, следует рассматривать эту категорию и в плане того, способствует ли она - и в какой мере - позитивному процессу кристаллизации национальной идеи, ее генезиса как общенациональной объединительной доктрины.

Современное российское общество переживает, пожалуй, один из наиболее трудных и ответственных периодов своей истории, а потому проблема духовного единения конгломерата народов, населяющих бескрайнее евразийское пространство, является одной из первостепенных. Одновременно нельзя не учитывать негативные факторы, активно противодействующие этому процессу. В этот перечень, в первую очередь, наверняка следует включить слабость экономики и перманентную политическую нестабильность, когда очередные выборы парламента или главы государства каждый раз грозят радикальной сменой всего политического курса. Отрицательно сказывается и непоправимо затянувшееся отсутствие как четко сформулированной государственной идеологии и национальной политики, так и авторитетной власти вообще, прямым следствием чего не замедлили стать межнациональные конфликты, перешедшие в отдельных случаях к открытому вооруженному противостоянию. Плюс резкое социальное расслоение общества, усилившееся после августа 1998 года, и, как закономерный итог, нарастающая апассионарность значительной части населения, что само по себе является весьма тревожным социальным симптомом.

Закономерно, что в высокоразвитых странах, где налицо массовое почитание государственной атрибутики (в тех же США, где явление это подчас принимает даже характер фетишизации), процесс этот стал прогнозируемым следствием того, что именно ее нация воспринимает и чтит в качестве символов своего стабильного материального благополучия и развитой системы твердых социальных гарантий.

В свою очередь, ситуация, сложившаяся в России, не может не мобилизовать политическую и интеллектуальную элиту к стимуляции этого важного для духовного здоровья нации процесса. К данной проблеме традиционно сложились два подхода. Упрощенно это выглядит следующим образом: сторонники первого полагают, что национальная идея должна формиро-

ваться в умах интеллектуалов и ими же формулироваться, чтобы в последующем посредством специальных мероприятий, в том числе, и пропагандистского характера, внедряться в сознание масс, преобразуясь, таким образом, в органичную составляющую общественного сознания. Для чего, видимо, и устраивались посиделки для генерации идей на закрытых госдачах. Оппоненты же, напротив, убеждены в том, что подлинно национальная идея, а не ее профанация, способна вызреть непосредственно в среде самого народа и только в ней.

Что касается автора, все же не рискнул бы переоценивать подлинных возможностей народа как такового в его нынешнем состоянии, в чем не вина последнего, а скорее беда. Задача же элиты, думается, заключается именно в том, чтобы, обладая абсолютным слухом, чутко уловить тенденцию, созвучную сокровенным чаяниям нации, совпадающую с ней - выражаясь языком физики - амплитудой частот с тем, чтобы в последующем профессионально ее сформулировать, возвратив социуму в виде изящной доступной системы. Проблема здесь, помимо прочего, заключается еще и в наличии в современном российском обществе людей, способных мыслить в общенациональных масштабах. И тогда многое будет зависеть от того, насколько еще не утрачен государственный инстинкт и политическая воля у лучшей части граждан.

Признаюсь, дело прошлое, чуть было не оказался вовлеченным некогда в круг избранных на одной из упомянутых дач, но не задалось: некий важный чин счел негодим касаться этой материи человеку с нерусской фамилией. Я не в претензии, однако тема эта, как и Россия, гражданством которой дорожу, мне по-прежнему любви. Но всерьез осознавая подлинные масштабы задачи, считаю необходимым оговориться относительно того, что излагаемые ниже рекомендации и оценки есть лишь отражение частного мнения по поводу отдельных ее граней. И которые, тешу себя надеждой, в качестве подспорья, немногих кирпичиков, будут, возможно, полезны тем, кто возведет в свое время величественное здание в ранге профессионального зодчего.

Прежде всего, счел бы продуктивным структурное разделение задачи по двум условным векторам, придав им, соответственно, функции идеологического и прикладного характера. С позиций первого, наиболее перспективной представляется работа с детьми и подростками. Именно они, не отягощенные противоречивым политическим опытом предшествующих поколений, лишены пропагандистских шор, способные - в силу специфических особенностей возрастной психологии - с малых лет испытывать искреннюю привязанность к родной стране, уважение к ее символам и традициям, способны, при соответствующей постановке воспитательного процесса, вырасти самостоятельными гражданами, наделенными необходимым потенциалом для возрождения страны. Это тем более актуально в связи с упразднением детских и юношеских массовых общественно-политических организаций (в данном случае без политической оценки). Попытки внедрить на российской почве скаутское движение носят фрагментарный характер и в силу целого ряда причин обречены, похоже, на неуспех.

Между тем, ощутимых результатов в этой сфере можно добиться, сделав ставку на возрождение детских и молодежных неполитических организаций нового типа. Причем, в работе с базисной группой - младшими школьниками - для большей эффективности важно шире применять игровые формы обучения и воспитания.

Можно рассмотреть, как вариант, деление школьного класса, как некогда на звенья, на три равные части, присвоив им соответствующие цвета государственного флага. Учитывая то обстоятельство, что в геральдике цвет несет большую семантическую нагрузку и подразумевает высокие нравственные качества, было бы полезно поощрять в детях формирование именно этих черт и достоинств. К примеру, алый - это право, мужество; синий - верность, искренность и т.д. Важно при этом делать упор на воспитание у детей уважения к общечеловеческим ценностям и благородным свойствам природы, а не идейной непримиримости, как это, увы, имело место в прошлом.

Свято место, как известно, пусто не бывает, как не бывает вакуума в пространстве, именуемом идеологией. А потому в мятущиеся в поисках героев для подражания сердечки наших детей и подростков, возможно, не без чьего-то умысла и при нашем же попустительстве, грубо отталкивая благородных сказочных персонажей, протиснулись сонмы туповатых атлетов с накаченными мышцами и пустыми глазами, жутких монстров и нагловатых агрессивных черепашек. Вдумаемся, неспроста один из былинной богатырской троицы Алеша Попович является выходцем из семьи священнослужителя, а ее центральная фигура, Илья Муромец, является ныне небесным покровителем погранвойск России. И разве ж не являются витязи воплощением гармонично - не только физически, но и духовно - развитых мужей, подлинных рыцарей без страха и упрека. И достойным внимания примером, по словам поэта, юноше, обдумывающему житье, думающего сделать жизнь с кого. Поистине, нет пророков в отечестве своем, а потому

проблема популяризации былинных и исторических персонажей в детской аудитории заслуживает особого подхода. Как и тех духовных воителей, чьи образы отражены в государственных символах.

Работу эту можно и нужно начинать еще с дошкольного возраста, используя специфические возрастные особенности и формы восприятия. К примеру, через ту же популярную у малышей развивающую игру в кубики можно заложить самые первые кирпичики в сознание будущего гражданина, если некоторые из граней при сборке будут изображением любимого сказочного героя, а другие - того или иного символа государства. Важно, что ребенок сам выстроит его. Несомненно, важным подспорьем в пропаганде нового детского и молодежного движения, его локомотивом, могло бы стать телевидение, цикл специальных передач. Достаточно вспомнить, как многие интересные массовые молодежные инициативы (тот же КВН) получили широкое распространение на местах именно благодаря трансляции их по ТВ.

Памятуя о том, что около трети населения России составляют тюркоязычные, а также народы, исповедующие ислам и буддизм, важно, пропагандируя общегосударственный герб, особое место отвести разъяснительной работе. Представления о нем, бытующие среди многих представителей этой части населения страны, носят, к сожалению, нередко искаженный характер, далекий от подлинного историзма. Это способствует его некоторому отторжению в упомянутой среде. Взять, к примеру, такое широко бытующее выражение, как царский орел. Важно довести до общественного сознания тот факт, что двуглавый орел - как державный символ - не является исконно русским по своему происхождению. Генеалогия его гораздо древнее, ибо орел у многих народов традиционно является символом власти, олицетворением могущества и прозорливости. Вряд ли при такой постановке вопроса какая-либо национальная общность откажет в признании у себя этих качеств.

Что касается исконно русского тотема, то общепризнанным лидером, несомненно, является медведь, удачно выбранный в свое время символом московской Олимпиады. Упоминания о нем встречаются и в житиях двух наиболее почитаемых на Руси святых, преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского; изображение животного даже запечатлено на иконах, посвященных этим подвижникам веры. В то же время, тотем ряда степных и тюркоязычных народов, как известно, волк, а у коренных народностей, населяющих обширные северные и дальневосточные территории России, это морж, кашалот. Можно заметить, что упомянутые животные, пусть отдаленно, но все же родственны по своей природе, ибо являются хищниками и, что немаловажно, не антагонисты. Так почему бы не рассматривать их в этом контексте в качестве неких образов, олицетворяющих три главные природные стихии нашего общего геополитического пространства: землю, океан и небеса. В этом ракурсе даже отвлеченно функциональное верховенство орла по вертикали выглядит не стремлением к неременному лидерству, а некоей миссией.

Используя уникальные возможности анимации, соответствующие заставки (или их цикл) на каналах общенационального телевидения несли бы куда более весомую смысловую нагрузку, нежели невнятные приторно-лубочные циклы типа Россия - это мы, которыми услаждали взоры многомиллионной телевизионной аудитории.

С сожалением приходится констатировать, что в определенно настроенных кругах в последние годы оформилась и развивается тенденция агрессивного противопоставления символа волка остальному, в том числе, славянскому миру, что не может не вызывать ответной неприязненной реакции. Негативную роль в восприятии европейским и, в частности, русским, сознанием данного тотема сыграла и печально знаменитая международная террористическая организация Серые Волки. А ведь сепаратисты, наносящие наиболее ощутимый урон идее и процессу единения народов России, избрали именно волка в качестве устрашающего жупела. Между тем, можно заметно поколебать эти амбиции, грамотно проведя аналогии в виде целого ряда исконно русских фольклорных сюжетов, в которых волк выступает не только союзником излюбленных персонажей, в том числе, царского происхождения, личину которых он порой принимает, но даже именуется их братом, а ведь это теснейшее кровное родство. Таким образом, волк, наряду с медведем, является одним из традиционных тотемов славянских народов и эксплуатация его образа в качестве символа активного противодействия русскому мировосприятию, по меньшей мере, нелепо. Куда полезнее использовать факт наличия единого тотема у разных национальных общностей России в ином аспекте, придав ему объединительный пафос.

Можно еще подумать, учитывая национально-территориальную структуру нашей федерации и уже имеющийся мировой опыт в данной области, об использовании местных традиционных эмблем.

К примеру, в той же единой Великобритании, тем не менее, принята система фигурных девизов. Так, в Шотландии это репейник, в Уэльсе - лук-порей, а в Англии - роза.

Рассуждая о системе государственных символов России, можно заметить, что все еще не востребована одна из традиционных составляющих герба, а именно девиз. Если согласиться, что национальная идея есть понятие многозначное и, помимо иных аспектов, включает в себя широчайший спектр мероприятий экономического, политического и культурологического свойства, а также совокупность специфических выразительных средств, то именно словесный девиз, передающий в лаконичной форме кредо или основные направления деятельности государства, мог бы заметно усилить смысловую нагрузку всего символа. К примеру, такие священные понятия, как Земля, Отчизна или сентенции типа Нас много - Россия одна.

Общеизвестны несколько художественных символов, прошедшие испытание тысячелетиями. И если крест, свастика, пентаграмма, бута символизируют фундаментальные духовные и философские понятия и категории, то иные, как то шестиконечная звезда, круг - стали своеобразными визитными карточками отдельных наций и этносов, графической квинтэссенцией их самости. Считал бы сверхзадачей в контексте рассматриваемой проблемы мобилизацию художественной и интеллектуальной элиты страны для создания графического символа России, единого и на все времена, который, будучи лаконичным, воплотил бы в себе все ее величие и многомерность, ее мессианское предназначение.

Рассуждая о прикладной грани проблемы, связанной с популяризацией системы государственных символов России, автор подразумевал бы, прежде всего, создание и продвижение в массовое сознание принципиально нового стильного направления. Представляющего, к тому же, заметный интерес для отечественного бизнеса. Обозначим для начала наиболее перспективные, с данной позиции, категории и группы населения, а именно: дети и юношество, средний класс и предприниматели всех уровней плюс популярные представители искусства и шоу-бизнеса. Нелишне напомнить в связи с этим, что ставшее, увы, традиционным механическое тиражирование идеи не только не принесет ожидаемого эффекта, но непременно вызовет привычную реакцию активного отторжения, как навязываемой сверху инициативы.

Предлагаемый пилотный вариант прикладного (промышленного) аспекта задачи предполагает неуклонное следование высокому классу качества нового типа изделий, являющихся носителями государственной символики, на первом этапе их ограниченного производства. Им надлежит стать престижными аксессуарами, своего рода джентльменским набором. Это элитные часы, авторучки, перстни-печатки, зажигалки, портсигары, браслеты, кулоны, запонки, брелочки, иные изделия из драгметаллов. Законодателями нового веяния призваны стать звезды, выведенные нами в отдельную категорию как важный элемент раскрутки нового стиля, его живые иллюстрации и рупоры одновременно.

Закономерно, что уже на втором этапе, согласно законам потребительского рынка, следует ожидать поток дешевых (доступных) копий и подделок. Но именно тогда можно будет констатировать возникновение массовой моды, чего бояться как раз не следует. Тем не менее, во избежание дискредитации самого стиля по причине неизбежного на этой стадии снижения качества, к нему следует соответствующим образом подготовиться. И не только экономически, работая на опережение, заблаговременно обеспечив промышленные мощности для производства продукции этого направления, но несколько иного класса и ассортимента (тем не менее, качественной!), тем самым снизив до минимума появление кустарной продукции. Но и юридически, утвердив соответствующие ГОСТы на продукцию данной категории, разрешив ее производство на конкурсной основе. А также ввести на все промышленные изделия, отображающие государственную символику, фиксированной процентной надбавки к стоимости, особо рассмотреть вопрос о целевом направлении аккумулирующихся таким образом средств. Целесообразно на этом этапе отдать предпочтение производству товаров, являющихся воплощением ценностей, связанных с домом, уютом и здоровым образом жизни, включая посуду и игрушки, спортивные товары и одежду, а также сувениры.

Важно подойти к делу неформально, творчески. К примеру, если речь идет о производстве той же фарфоровой кружки, но, скажем, с гербом, можно предложить, как вариант, поместить здесь же портрет выдающегося соотечественника или национального героя, заслуги и личные качества которого были бы бесспорны: Пушкина, Петра I, Чайковского, Алехина, Жукова, Гагарина, Багратиона, Гамзатова и других. Этот несложный, на первый взгляд, прием позволяет путем совмещения в подсознании двух образов - государственного символа и общепризнанной личности - закрепить симпатию к одному непререкаемым авторитетом другого. В то же время, важно соблюсти чувство меры и уважение к ментальности, изначально оговорив пере-

чень предметов, на которых государственная символика не может быть нанесена ни в коем случае и закрепив эту норму юридически. Дабы не уподобляться тем же американцам, умудряющимся запечатлеть свой государственный флаг не только на нижнем белье, но и на предметах куда более интимного назначения. Таким образом, второй этап промышленного тиражирования призван обеспечить широкую доступность престижных (и, значит, популярных) изделий с государственной символикой при обязательном условии соблюдения их должного качества.

Разработка и производство соответствующих аксессуаров к школьной одежде (галстуки, нарукавные, нагрудные и нашейные знаки, бэджи и прочее), а в ряде случаев, возможно, и новой формы представляется весьма привлекательной с экономической точки зрения. Как и возможность осуществления интересного эксперимента в одном из округов или районов Москвы или других городах России с привлечением к нему деловой и интеллектуальной элиты.

Вернемся же к американцам, о коих упоминали вначале. И, прежде всего, потому, что все же не стоит потаенно вздыхать, наблюдая сцены демонстративной любви, щедро напомаженные жизнерадостным бриолином. Лично я при этом, поверьте, неизменно испытываю за тамошних жителей чувство некоей неловкости. Не покидает ощущение показушности: словно кто-то пылко изъясняется в нежных чувствах в переполненном общественном транспорте. Возникают навязчивые ассоциации с дежурным общенациональным оскалом, именуемым почему-то улыбкой. Вовсе не ратую за угрюмость, но даже она, являясь искренним проявлением отношения к конкретному событию или человеку, столь же естественна, как не вымученная упражнениями со словом *сыр* улыбка. Не потому ли на гляцевитой незамутненной поверхности лучшего из миров нет-нет, да и разорвется очередной зловонный гнойничок вроде серии жутких малолетних расстрельщиков собственных одноклассников или всенародного, без тени застенчивости и намека на деликатность сюжета, отслеживания эпопеи с засохшими фрагментами, прошу прощения, семенной жидкости незадачливого главы государства, да еще затянувшейся до неприличия несмешной клоунады, именуемой почему-то демократическими президентскими выборами. Да мало ли чего... Нет, не все ладно в датском королевстве.

Именно здесь несколько лет назад разразился не нашедший, увы, освещения в отечественных СМИ нешуточный скандал, затронувший щепетильную тему формирования заокеанской нации. Так, был обнародован новый научный взгляд на историю заселения Северной Америки. Как оказалось, первыми переселенцами с европейского материка, заложившими основы этой цивилизации, были в подавляющем своем большинстве... гомосексуалисты, которых в бескрайних просторах материка привлекала, прежде всего, возможность надежно укрыться от пуританских устоев Старого Света. Предприимчивые американцы тотчас наладили, по этому случаю, выпуск компьютерных игр с соответствующими сюжетами и полными пикантных намеков сценками. Так стоит ли так уж сокрушаться, подолгу косясь в закатную сторону, что не там де угораздило родиться. Приноровимся все же мерить собственную жизнь и судьбу своим, а не чужим аршином, не пытаюсь уподобляться тем, кто, вопреки изобилию умных механизмов и еды, так и не может преодолеть комплекса культурной неполноценности.

За нашими спинами незыблемые пласты высочайшей духовности и святости предков, величественной многотысячелетней истории. А потому всем нам, как мне кажется, важно впредь бережнее относиться к традиционным символам собственной государственности. И дело не только в том, что с точки зрения геральдики сохранение древних герба и эмблем государства его историческими наследниками, то есть государствами с иным политическим строем, но образованными на том же геополитическом пространстве, не только вполне допустимо, но имеет прецедент на примере ряда европейских стран. Преемственность в этом вопросе убедительно продемонстрировала бы всему миру примат общенациональных непреходящих ценностей в обновленной России как над изжитыми догмами, так и сиюминутными политическими амбициями.

В.Д. ИРЗАБЕКОВ. Москва.

Сиянье люстр и зыбь зеркал
Сплелись в один мираж хрустальный
И веет, веет ветер бальный
Теплом душистых опахал.

Похолодели лепестки
Раскрытых губ, по-детски влажных
И зал плывёт, плывёт в протяжных
Напевах счастья и тоски.

И. Бунин

Саломея

Приключения, почерпнутые
из моря житейского.
Александр Фомич Вельтман.

Начало см. № 54

Продолжение...

КНИГА ВТОРАЯ

Часть пятая

II

В то время, когда поднялся шум в доме городничего, Жельинский, или, все равно, грабе Черномский, исправлявший должность Матеуша, только что стал трудно засыпать в комнате, рядом с занимаемой Дмитрицким. С тех пор как случилось с ним страшное превращение из пана грабе в камердинеры, строгий пан Дмитрицкий держал его в руках и так заботился искоренить из него вельможную спесь, вселить повиновение и расторопность, что в продолжение дня не давал ему минуты на думу о своей горькой участи. Ложась спать, утомленный, он также не мог ни о чем думать, потому что все члены его, исключая двух рук, привыкших метать банк и загибать углы, изнеженные беспечной жизнью, требовали покоя и сна. Таким образом в самое короткое время из шулера он обратился в скверного лентяя слугу. Боясь зоркого глаза и пистолетов Дмитрицкого, он забыл и думать о возврате прав своих на дипломы пана грабе и на приобретенный картежными плутнями капитал иначе, как чрез женитьбу на сестре Дмитрицкого. Понимая нрав Дмитрицкого, он ему верил и вполне успокоился в ожидании приезда в Путивль.

Ложась спать на постоялом дворе, мнимый Матеуш размышлял об этой женитьбе.

- Моя стара пани Жельинска не мыслит и не гадает, что я женюсь на панне Наталии! Женюсь себе, и кончена речь! Го! Что ж тут такого? То не женатый пан Жельинский женится, а холостой пан грабе Черномский. Пан Жельинский уж стар; а пан грабе, когда перукарж уладит парик и умастит перфумами, - просто юноша...

Когда внезапный грохот и посыпавшиеся стекла прервали эти мечты, Жельинскому показалось, что все это случилось в комнате Дмитрицкого.

- Панна Матка Бога, что там такое! - проговорил он с ужасом, вскочив с ложа своего. - Пане, а пане! Спит пан?

Ответа нет.

Жельинский попробовал, заперты ли двери; двери свободно отворились. Боязливо взглянув в комнату, освещенную луной, он заметил, что пана нет, постель разбросана, в отворенном окне доска, на столе парик грабе Черномского, часы и пистолеты.

Боязливо Жельинский осмотрелся снова кругом; слышавшийся шум в соседнем доме заставил его вздрогнуть и отступить к дверям; но вдруг, как кошка на мышь, он бросился на парик, нахлобучил его себе на голову, схватил пистолеты, часы и стоявшую в головах постели шкатулку, и начал кричать:

- Караул, караул! ратуйте! Хозяин! Кто тут есть?

Хозяйка прибежала прежде всех со свечой, но, встретив в дверях Жельинского, плюнула и побежала назад, с криком:

- Ах ты, страм какой! Да что он, с ума, что ли, сошел! Хозяин, ступай, что там приключилось ему!

- Что вы, батюшка, что с вами?

- Беги в полицию, хозяин! Дай знать, что мошенник Матеуш хотел убить меня и обокрасть. Меня, графа Черномского, слышишь? Скорей ловить его! Скажи, что он ограбил меня! Слышишь? А вы, ребята, подите сюда, стерегите меня и мои вещи! Ищите мошенника! Он где-нибудь спрятался! Он убьет меня!

Хозяин побежал в полицию, а между тем Жельинский, обставив себя народом и повторяя: «Держите его, разбойника, если откуда-нибудь покажется, я вам дам красненькую на водку», - с жадностью осматривал все ящики своей шкатулки и в то же время, вытащив из сундука новую пару платья, одевался в щегольской фрак.

- Так и есть: тут нет моих бумаг и нескольких тысяч денег! Ах он, бестия! Стойте, братцы, не уходите никуда! красненькую вам... слышите?

- Слышим, ваше сиятельство, - отвечали работники постоянного двора, обращаясь к сбежавшимся проезжим ямщикам. - Вы, братцы, ступайте себе, вы не здешние!

- Так что ж, что не здешние! Его сиятельство не вам одним посулил; да мы еще прежде вас успели на помощь, вот что...

- Смотри-ко-сь! А черт вас просил! Ступай, говорят, здесь вам не место!

- Куда ты их гонишь? - вскричал Желынский.

- Да вот, что им делать здесь, это не наши, а проезжие...

- Нет! Никто не смеет уходить, покуда полиция не придет!

- Да вот квартальный.

- А! Вы - господин квартальный? Очень рад! Прошу вас засвидетельствовать, что мой человек, Матеуш, каналья и пьяница, обокрал меня и ушел. Вот - в окно, извольте видеть? Хотел было убить.

- Такс, - отвечал квартальный, - действительно! Он пролез в светелку к господину городничему. И тут должна быть стачка с женщиной, с колодницей: она ему помогала. Это уж верно; я уж теперь понимаю!...

- С какой женщиной?

- С одной-с, нам она известна.

- Так сделайте одолжение, надо скорей в погоню; мошенник ограбил меня, хотел убить, унес бумаги мои и деньги...

- За кем в погоню-с?

- За этим разбойником, Матеушом.

- Не беспокойтесь, пойман-с.

- Как пойман?

- Пойман вместе с женщиной. Они и городничего хотели обокрасть, да подрались, извольте видеть, и произвели шум; а дозорная команда и нагрянула... Поймали-с! Извольте, ваше сиятельство, подать в полицию объявление.

- Объявление? - проговорил Желынский, не понимая, что за благодетельная судьба вытаскала Дмитрицкого в окно, прямо в полицию.

- Как же-с, - продолжал квартальный: - объявление - что вот так и так, о чем градскую полицию и объявить честь имею... Просто-с. А уж там наше дело.

- Да это протянется бог знает сколько времени, а мне надо завтра чем свет ехать! Нельзя ли теперь же отобрать у него бумаги и деньги?

- Все отобрано-с, хранится у господина городничего; уж до завтра; теперь невозможно.

- Ах, досада какая!

- Никак нельзя, ваше сиятельство.

- Так позвольте, я сейчас же напишу объявление; только я не знаю формы.

- Да не угодно ли, я напишу, ваше сиятельство.

- Сделайте одолжение; вот вам бумага и чернила.

- Извольте сказать приметы вашего человека или, лучше всего, пожалуйста паспорт его.

- Паспорт? Паспорта нет.

- Как же, ваше сиятельство, беспаспортного держать у себя?

- Нет, не то, я хотел сказать. Паспорт он унес вместе с моими бумагами...

- Так позвольте приметы, имя и прозвище.

- Имя - Матеуш, то есть Матвей, а прозвание его я не помню: я в самый день отъезда нанял его в Киеве.

- Без прозвания нельзя-с.

- Кажется, Дмитрицкий... Именно, Матвей Дмитрицкий! Лет тридцати, белокур, чист лицом, глаза серые, нос правильный.

- Нос правильный... расту... кажется, среднего. Теперь - что именно снес со двора?

- Бумаги, паспорт и подорожную на имя мое, то есть - на имя графа Яна Черномского. Пачку денег - около трех тысяч, да в кошельке, золотом, червонцами более тысячи...

После долгих переспросов и повторений объявление было написано, Желынский подписал его и вручил квартальному, с просьбой поскорее доставить ему бумаги и деньги.

- Это, ваше сиятельство, зависит от господина городничего, - сказал квартальный и удалился.

Все это происшествие Желынскому казалось сном; он протирал глаза, смотрел на себя в зеркало, отворял несколько раз шкатулку, при малейшем шуме хватался за пистолеты и стано-

вился в позицию против дверей, и в этом тревожном состоянии пробыл до утра. Долго ломал себе голову соображениями: каким образом Дмитрицкий исчез из комнаты и очутился в полиции за воровство? Желынский, наконец, решил, что что-нибудь да не так. Невозможное дело, чтоб Дмитрицкий вылез сам из окна и пойман был в воровстве. Пустяки! Верно, воры влезли в окно, задушили Дмитрицкого, вытащили вон и куда-нибудь запрятали, чтоб отклонить подозрение от грабежа и чтоб местное начальство при исследовании события сделало заключение, что «в ночь на такое-то число, такой-то пан грабе Черномский, неизвестно почему скрылся чрез окно такого-то постоялого двора, и ныне неизвестно где находится». В городе же его при обыске не оказалось... «Именно так! - утвердительно решил Желынский, - в полиции не он, а какой-нибудь из пойманных воров. Но тем лучше, - подумал он, - лишь бы отыскались бумаги и деньги».

Часов в девять утра явился снова квартальный и просил пожаловать его сиятельство в полицию для удостоверения по форме, что действительно взятый под арест неизвестный человек есть его камердинер Матеуш

Со всюю важностью вельможного пана, Желынский - облеченный в парик грабе Черномского - отправился в полицию, сопровождаемый квартальным и жокалами. Перед ним почтительно отворились двери, и он вошел в переднюю комнату, где между просителями, колодниками и командой стоял и Дмитрицкий, со связанными назад руками.

Взглянув на него, Желынский обробел несколько, но не потерялся.

- А-га! Вот он, молодец! - сказал он, приостановясь и смотря прищурясь на Дмитрицкого, - что, попал, любезный? Ну, не ждал я от тебя такого поступка! Ты казался мне добрый малый. Не надеялся...

- Ах, это ты, мерзавец! Пьяница Матеуш, нарядился в мой фрак! Как ты смел, бестия! - крикнул Дмитрицкий, притопнув ногою и бросившись к нему.

- Ай, ай! ратуйте! - вскричал Желынский, отскочив от Дмитрицкого и вбегая в комнату, где присутствовал городничий. - Помилуйте, этот мошенник убьет меня! Вы господин городничий?

- Так точно, - отвечал Щепиков, - с кем имею честь говорить?

- Я - граф Черномский. Вам уже известно по поданному объявлению, что слуга мой, Матеуш, обокрал меня и бежал, но пойман полицией. Я вас прошу заключить его в кандалы, а мне возвратить украденные вещи.

- Так точно, ваше сиятельство; но позвольте сделать ему допрос...

- Нет, прошу вас форму суда исполнять как угодно после моего отъезда. Я еду по важным делам в столицу, что можно видеть из бумаг, которые при мне. Не угодно ли - я вам покажу их.

- Мы, ваше сиятельство, удерживать вас не можем, - сказал Щепиков. - Но как же насчет суммы денег, найденной у него?

- Я эту претензию оставляю, пожалуйста мне бумаги и остальные деньги, - сказал Желынский.

- Денег нельзя возвращать до окончания дела, - сказал заседатель, - они должны быть при деле. Так уж извините, ваше сиятельство.

- Ну, так пожалуйста бумаги, - проговорил дрожа от нетерпения Желынский.

- И бумаг нельзя выдать, - заметил опять заседатель.

- Но я должен ехать сейчас! - вскричал Желынский.

- Что ж делать, ваше сиятельство.

- Но по крайней мере мой паспорт, без него мне нельзя ехать!

- Паспорт дело другое. - И городничий вручил ему паспорт, пожелав благополучного пути.

Не оглядываясь на Дмитрицкого и ни слова не говоря, Желынский, как говорится, шаркнул через переднюю, почти бегом добежал до постоялого двора, одним прыжком взобрался на лестницу, крикнул:

- Хозяин, скорей мне четверку почтовых лошадей! - и потом, отирая струящийся с лица пот, стал укладываться, собирать в дорогу...

III Если» вам в память один из обожателей Саломеи Петровны - старый холостяк Платон Васильевич Туруцкий, то мы обратимся теперь к нему.

Платону Васильевичу Туруцкому было уже около семидесяти лет, когда его однажды на пути к английскому клубу постигла внезапная любовь к Саломее Петровне.

В давние времена, не имея никакого еще чина, по огромности своего состояния он был избран в какую-то почетную должность, и его величали «превосходительством». Его превосходительству невозможно было не быть членом английского клуба. Как холостяк, - в какой семье,

лучше этой, проводил бы он время? Вследствие обычая, звания, должности и имеющегося дома в Москве, он и поступил в неизменные копыя клуба. От должности получил он увольнение; но ни за что уже не хотел вступить в коронную службу, чтоб не лишиться титула. В клубе привыкли его величать «его превосходительством». Особенно постоянные его партизаны в вист заметили, что когда они величали Платона Васильевича его «превосходительством», тогда Платон Васильевич был занят более своею важностью, нежели игрою, необыкновенно как рисковал и щедро платил за воздаваемую ему почесть. Просто же Платон Васильевич - без прилагательного - играл осторожно, скуп и ужасно счастливо.

Живя в большом кругу, Платон Васильевич повсюду был в числе званных и почетных гостей. Потому что нигде нет столько нужды и крайней потребности в заимодавцах, как в большом свете. В хижине пусто, голо, нет куска хлеба; да можно ли это назвать бедностью? Если не подаст на хлеб добрый человек, так подаст Бог, и послезавтра и до скончания века - перекрестится, и сыт. А вот в этих отелях, во вкусе перерождения, где все рококо, - дело другое: там нужда в золоте, бедность великолепно разряжена, крайность рыщет черта ради - за куском хлеба и за копеечкой в карете на английских рессорах, на какой-нибудь четверке вороных - шея дугой, хвост трубой. Но светский кусок и светская копеечка не простые: из куска хлеба можно засушить корабля два сухарей, а копеечку разменять на золото, на серебро, на ассигнации и на что угодно; потому что она, чертова бесценная копеечка, тратится без счета, берется в долг без отдачи...

Просто Платон Васильевич был скуп и не заимодавец. Но у обязательности «его превосходительства» можно было знатным людям *перехватить*. Это было причиной, что звание Платона Васильевича осталось при нем в обществе, и его особе был нередко такой почет, что иногда можно было подумать, что он не просто «его превосходительство», а с мазом.

Когда родитель Саломеи, Петр Григорьевич, почувствовал истощение внешних сил своих, тогда душа его восчувствовала потребность в Платоне Васильевиче и особенное уважение к нему. Начав волочиться за ним, во-первых, он нашел случай предложить ему, очень кстати, понюхать своего табачку...

- Прекрасный табак... Удивительно хорош! Бесподобный! Вот это табак! Скажите пожалуйста, где вы покупаете его? Чудный табак!

- Это просто рапе. Но я его особенным образом смачиваю. Если вашему превосходительству угодно, то я открою вам этот секрет.

- Ах, сделайте одолжение. Я со своей стороны открою вам отличный способ смачивать табак... Извольте понюхать моего.

- Бесподобный! Признаюсь вам, ваш превосходнее...

- Вам нравится? Секрет состоит в том, чтобы взять лучшего нюхательного испанского табаку, настоять его крепче в простой воде - и этим настоем смачивать. Вот и все.

- Скажите пожалуйста! Я употребляю точно то же средство, только вместо испанского - русский табак...

- Неужели? Русский?

- Русский.

Слово за слово, знакомство было сделано. Очарованный отцом, Платон Васильевич пленился дочерью.

Как ни презирала Саломея Петровна старость, но титул «превосходительства» и привилегия богатства имели для нее какое-то обаяние. Чувствуя в себе высокие достоинства, ей унизи-тельно казалось уподобляться пестрой бабочке, за которой носится стая мотыльков. Природа наделила ее какою-то сценической важностью, и она любила окружать себя величием и штатом людей значительных в свете: посреди их она воображала себя чем-то вроде Семирамиды.

Желая приковать Платона Васильевича к подножию своему, она очаровала его своим вниманием и любезностью до того, что он едва не забыл о своей обязанности быть в клубе. Она даже спросила его: «Вы танцуете?» И когда Платон Васильевич, несколько смутясь, отвечал, что в его лета танцы - анахронизм, Саломея очень мило высказала, что лета ничего не значат, что современная молодежь состарилась, одряхла и съела зубы прежде отцов и что теперь уж юношей нет, юношеского возраста не существует...

- Действительно! - вскричал Платон Васильевич, - совершенная правда! Теперь из *анфанов* поступают прямо в *madame* и *monsieur*!

- Чтoб убедиться в этом, стоит только взглянуть вокруг нас, - отвечала Саломея: - посмотрите вот на этого *monsieur* Калякин, который ходит в сапогах с высокими, с отвалом каблук-ками, как на рогульках, движется как точеный из дерева и обклеенный сукном; носится со шля-

пой в руках за дамами и гласом величия говорит им глупости. Это современный отрок! А вот этот, проживший уже около двух десятков лет на свете, человек в чинах, лицо подернуто какой-то важной мыслью, которая пышно развивается в голове, занят также каким-нибудь преобразованием; а вот эта улитка, которая совсем вылезла из платья: это кокетка в шестнадцать лет!

Саломея очень складно наговорила тьму пошлостей насчет юношей и юных дев, которые воображали, что они что-то такое экстренное на свете. Разумеется, что все это было сказано также от сознания *собственного достоинства* и ничтожества всех других. Саломея Петровна было уже за четверть столетия, и новый урожай общества, хоть и недоносок, но все-таки шел впереди ее.

Платон Васильевич в первый раз, вместо того чтоб говорить самому, слушал ее, подтверждал ее мнения и дивился глубине ее ума и замечаний насчет нового поколения. Платон Васильевич, как богатый человек, окруженный всегда людьми, оказывающими почтение и мешку, заключающему золото, как атмосферой, не примечал, что за этой *атмосферой* носятся молодые миры, как кометы - волосатые, с длинным хоботом, голова пуста, сквозит, но блеску тьма.

Платон Васильевич по природе сам был некогда из числа комет, которые должны обращаться в спутников, в челядь планетную. Но количество наследственной материальной магнитной силы - словом, злата - дало ему самостоятельность в системе планетного мира, титул «превосходительства» в обществе и звание члена в английском клубе. Но эта самостоятельность была бесплодна, ничего из себя не развивала, не производила, как мир, не возбужденный электричеством другого мира. В английском клубе он бы иссяк; но встреча с Саломеей возбудила в нем деятельность органических сил, и Платон Васильевич на старости лет вдруг зацвел, и в первый раз после свидания с Саломеей отправился в клуб не по желанию, а по навыку отправляться в известное время в известное место. В первый раз родилась у него в голове задушевная мысль, но в чем она состояла, нельзя было догадаться даже по наружности, потому что мускулы его лица позатвердели в ненарушимом спокойствии, а в глазах затянуло уже от времени продушины, через которые газы, образовавшиеся в сердце, истекая, загораются от прикосновения воздуха.

Когда Платон Васильевич приехал в клуб, на его лице выражалась какая-то заботливость, а в движениях торопливость.

- Иван Иванович, - сказал он без изъявления своего почтения первому встречному сочлену, - не знаете ли вы какого-нибудь известного по своему искусству архитектора?

Иван Иванович, вместо ответа, сделал со своей стороны обычный вопрос:

- Для чего это вам, Платон Васильевич?

- Для чего! Разумеется, для построек.

- А значительные постройки?

- Да, и очень значительные.

- Здесь, в Москве, или в подмосковной?

- Здесь, - отвечал с нетерпением Платон Васильевич.

- Здесь, а! Позвольте узнать, в чем они будут состоять?

- Об этом уж мое дело будет посоветоваться с архитектором. Вас прошу только адресовать мне какого-нибудь известного, хорошего архитектора, в новейшем вкусе...

- Я, право, не знаю ни одного, потому что я сам...

- Так вы бы так и сказали! - сказал с сердцем Платон Васильевич.

- Да позвольте, Платон Васильевич! Если вам нужно произвести какие-нибудь постройки, то я не хуже архитектора могу дать вам советы: я у себя в деревне произвел много построек - дом построил, хоть куда! Вот, хоть сюда перенести и поставить рядом с клубом... Я вам сейчас опишу его: расположение удивительное! Без плана, совершенно без плана! Да что план, пустяки! Куда ж вы?

- Нет уж, извините, Иван Иванович, мне нужен архитектор!

- Как хотите... Станный человек.

- Что такое, Иван Иванович? - спросил некто Степан Федорович. - Что такое?

- Да как же... чужак! Хочет строить дом.

- Кто?

- Да вот Платон Васильевич.

- Туруцкий?

- Ну да. Не имеет ни малейшего понятия о постройке, и не думает посоветоваться с добрыми людьми. Видишь, архитектор лучше знает дело!

- А какой это архитектор?

- А черт его знает! Что мне архитектор? Я сам построил дом на пятнадцати саженях не хуже архитектора.

- Уж разумеется, если взять архитектора, так нужно человека, знающего дело. Жаль, что Туруцкий не посоветовался со мной - к кому в этом случае прибегнуть...

- Что такое? О чем дело, Степан Федорович?

- Да об архитекторе говорим.

- О Монферране?

- Нет, один из молодых русских архитекторов: необыкновенная способность! Я готов каждому его рекомендовать.

- О, так вы любите отечественные таланты, придерживаетесь посредственности.

Из этого завязался современный спор между поклонником внешнего мира и любителем внутреннего. Целая толпа сочленов приняла участие и, разумеется, разделилась на две армии, заспорили как плоть и душа, обитающие в едином теле. Очень естественно, что представители плоти доказали, что внешний мир есть мир лучший - веселый, питательный, упоительный, и заключили, что и английский клуб есть произведение мира внешнего, а не внутреннего.

- Вы зачем пожаловали сюда, если считаете просвещение европейское и его формы нелепостью? Сидели бы у себя дома посреди патриархализма!

- Как зачем? - спросили представители внутреннего мира, не зная что отвечать, как уличенные грешники.

- Да, зачем? Сидели бы дома.

- Э, mon cher, не всякий может сидеть дома. А между тем каждый хочет быть где-нибудь как дома. Теперь же домашний климат невозможно уравновесить: мужа от жены в жар бросает, а на жену от мужа несет холодом.

Платон Васильевич в другое время, по обычаю, наговорил бы со своей стороны - в пользу, если не внешнего просвещения, то по крайней мере в пользу клуба - тьму сентенций. Но он что-то был задумчив, молчалив, и только во время игры повторял одному из своих партнеров: «Так не забудьте же, Иван Васильевич, прислать ко мне завтра вашего архитектора»; а другому: «Как, бишь, Петр Григорьевич, называется книга... кажется, «Архитектура всех народов земного шара»? Я к вам заеду сам за ней».

Из клуба он действительно, заехал к Петру Григорьевичу. Взял у него фолиант. Приехав домой, стал его рассматривать - искать в изображениях древних храмов, храма любви. Но все храмы любви были просто беседки, и Платон Васильевич начал сам сочинять план храма любви: к свету фасад был готов; расположение внутреннее составляло пустяки в сравнении с наружностью.

Когда явился архитектор, Платон Васильевич положил перед ним свой чертеж.

- Вот, изволите ли видеть. Вот план. Мне хочется построить вот такой дом - то есть, не вновь построить, а переделать вот этот.

Архитектор посмотрел на бумагу, на которой была начерчена *трапеция*, изображающая фасад дома; два ряда маленьких ромбоидов представляли окна, а между каждым окном опущены были по два перпендикуляра, представлявшие колонны; на вершине каждой колонны посажено по грибу, представлявшему бюсты...

- Вот, видите ли, вот моя идея.

- Понимаю-с, - сказал архитектор.

- Вот это будут бюсты всех добродетелей.

- Понимаю, - отвечал архитектор, - только... раз, два, три... у вас назначено двенадцать окон - четное число.

- Непременно!

- Четное число окон - невозможно: это против всех правил архитектуры.

- Это отчего? Помилуйте! Вы после этого скажете, что Бог дал человеку четное число глаз против правил архитектуры... После этого надо один глаз выколоть или для нечетного числа подставить вместо третьего глаза фонарь!

- Мы сделаем двенадцать окон, а тринадцатое будет фальшивое.

- То есть, один глаз будет слепой, подернут бельмом: это очень красиво!

Опытный архитектор в своем искусстве, но неопытный на софистические возражения не знал, что сказать против аналогии лица здания с лицом человеческим. Это было причиною, что Платон Васильевич усомнился в его знании и, чтоб отделаться от него, сказал, что он, впрочем, подумает насчет лишнего окна, которое так необходимо для архитектуры и несколько не нужно для хозяина дома.

Призванный новый архитектор был не классик, не знал искусства на деле, судил об архитектуре по-своему, с жаром, с чувством, и заступаясь за человечество, которое по милости классической архитектуры живет в сараях, украшенных великолепными входами и столбами. Не выслушав еще, какую имел до него необходимость Платон Васильевич, он объявил ему, что сохранившаяся греческая храмовая архитектура есть пустошь и нейдет ни к селу ни к городу; что искусство до сих пор занималось наружностью зданий для красоты города, а не удобством их для жизни человеческой; что здание должно быть расположено как тело человеческое, а одежда его соответственна климату и свойственному ему изяществу и так далее.

Платон Васильевич был очарован новым архитектором; но когда дело дошло до числа окон:

- Помилуйте, четное число окон - это невозможно!

Платон Васильевич привел было опять в пример фасад человеческого лица, с четным числом глаз, и что по правилам архитектуры вместо третьего глаза надо *подставить фонарь*.

- Прекрасно! Прекрасное сравнение! - вскричал архитектор, - но в таком случае и фасад здания должен иметь нос или что-нибудь вроде носа... и именно фонарь! Я вам и сделаю двенадцать окон, а в середине фонарь, который теперь в моде.

Платон Васильевич был в восторге. Дело было решено: старый небольшой дом ломать и строить новый дом, большой, заняв весь двор и часть сада. Да еще с условием: что *хочешь* возьми, а к восемнадцатому ноябрю чтоб дом был готов.

Платон Васильевич перешел на время перестройки в маленькую комнатку во флигеле, где была людская и кухня. Постройка дома как будто стала целью его жизни. Покуда составлялся план, для выигрыша времени, приступлено было к ломке. От нетерпения Платону Васильевичу не спится, встает чем свет.

- А что, Борис, работники пришли?

- Никак нет-с, еще не приходили.

- Что ж это они нейдут? Черт знает что за народ! Никогда слова не держит! Пошли сейчас к подрядчику!

На другое утро опять та же история:

- А что, Борис, работники пришли?

- Пришли, сударь.

- Начали ломать?

- Никак нет, пошли за инструментом.

- Да для чего ж они приходили без инструментов?

- Да они приходили посмотреть сперва, что ломать; потолковали тут, да и ушли.

- Экие скоты! Пошли сию минуту к подрядчику: скажи, что барин приказал сейчас же прислать работников, а не то, скажи, другого найму!

Когда начались работы, Платон Васильевич почти целый день на работе, то присядет посмотреть, как отваливают стену, то встанет, заведет разговор с поденщиком:

- Что, брат... что труднее - ломать или строить?

- А Бог ее знает, какова кладка: новую кладку руками по камню разберешь, а хороший дождь размоет. А вот такую, как эта - лом не берет... смотри-ко, кирпич-то железняк!

- А отчего бы это так?

- А Бог ее знает отчего. В старину, чай, дома строили, а теперь - балаганы. Вот и барин-то, чай, к какому-нибудь празднику торопится строиться... а потом хоть разбей снова.

Платон Васильевич откашлянулся.

- Нет, любезный, я для детей строю.

- Так-с; стало быть, у вашей милости семья-то большая? Мал дом-то стал?

Платон Васильевич откашлянулся снова. Работник принял это за подтверждение его догадки и продолжал:

- По-нашему бы пристроить, а уж такой здоровый дом грех ломать: не дать веку достоять. И дом что человек: построен на то, чтоб век дожить. Смотрите-ко, стены-то скипелись, пропитались духом жилецким; а жильцы-то кто были - чай, ваши же родители?

Платон Васильевич не дослушал сентенции мужицкой. Он стоял подле раствора извести и кричал: «Это что? Я этого плутовства не позволю! В известку песок сыпать! Мошенники!»

Тщетно ему представлял каменщик, что уж это так следует. Он и слышать не хотел, потребовал к себе подрядчика, накричал на него - не поверил его убеждениям. Послал за архитектором - и архитектору не поверил...

- Все заодно! - ворчал он про себя. Потом привязался к кирпичу: подай ему железняк!

- Да не годится, сударь, железняк для стройки...
 Ничего знать не хочет, уверяет, что старый дом построен из железняку.
 - Да кто это вам сказал, сударь?
 Платон Васильевич велел позвать работника, с которым разговаривал.
 - Из чего, брат, старый дом строен?
 - Из кирпичу, батюшка.
 - Из какого?
 - Как из какого? Из кирпичу.
 - Да из какого? Из железняку?
 - Как это можно!
 - Ах ты, мошенник! Не сам ли ты мне сказал, что дома старинной постройки оттого и крепки, что построены из железняку?
 - Чтoб меня разорвало, батюшка, если я это сказал, - отвечал мужик, - вот вам крест!
 - Экие подлецы какие! Ну уж народ! - вскричал Платон Васильевич.
 - Да уж сделайте одолжение, не беспокойтесь, ваше превосходительство, - сказал подрядчик, - поставим вам дом на славу. Не мешайте только нам. Обманывать не будем. Цены вы хорошие платите. А есть такие: строй, вишь, ему дом, а себе заказывай гроб...
 Как ни просили Платона Васильевича не беспокоиться и не мешать, но он воображал, что без собственного его присмотра дело не пойдет.
 То вдруг велит пересчитывать при себе кирпич...
 - Ваше превосходительство, уж известно, что тут по тысяче складено.
 - Вы говорите, а я не верю. Борис, считай!
 То найдет трещину в бревне и остановит складку леса.
 - Да где же найти сухой лес без трещин, ваше превосходительство?
 Но он не внимал никому, браковал материалы и постройку так, что рабочие хотели бежать.
 Русский мастер не то что какой-нибудь немецкий мастер - тот начнет считать да высчитывать: подай ему и деньги по его смете, подай и время на его работу, да еще ему нужно тут же и спать в свое время, и есть в свой час, и трубку выкурить, и пиво выпить; да нужно еще ввечеру непременно в шустер-клуб - там ему надо непременно свою партию в вист сыграть, и съесть свой бутерброд, и выпить свой шнапс и кафе, словом, хоть лизнуть барской спеси. Но русский мастер не таков: за словом дело. А как сказал - «Извольте батюшка, поставим! Будет готово!» - так уж один его день не уложится в немецкую неделю. На работе спит, на работе ест, распевает себе заунывную песню; мера на глаз, вес наугад, а все ладно. Недаром говорится - «горит работа». И точно: он, как огонь, пожирает работу. Кончил работу, взял деньги: «уж извините, надо отгуляться, душу перевести да потешить - она вместе работала». Уж тут-то и принимается он то делать, что душе угодно...

(Продолжение следует)

Александр Фомич Вельтман.

*Для любимой женщины
 ничего не жалко.
 Пока ей ничего не нужно...*

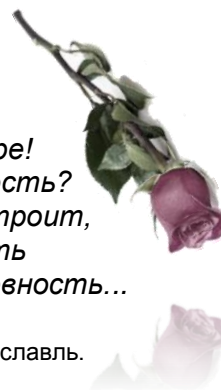

*Чем больше у тебя добра,
 тем чаще встречаются
 доброжелатели.*

ЛЮБОВЬ И РЕВНОСТЬ

*Есть во всём закономерность.
 Нету речки без излучин.
 Говорят, любовь и ревность -
 Близнецы и неразлучны, -
 Мол, кого любовь закружит,
 Тот и с ревностью подружит...*

*Если так, то это - горе!
 Ну, зачем такая верность?
 Что любовь годами строит,
 Может вмиг разрушить
 ревность...*

Владимир Колабухин. Ярославль.

Письма читателей

18-11-2016 Большое спасибо за присланный журнал и публикацию "Истории с Авдеевым". С уважением, **Юрий Евстифеев**. Россия.

19-11-2016 Благодарю Вас за публикацию моего стихотворения в Вашем журнале "От души". С интересом прочитал весь номер. Не один год я являюсь гл. Редактором нашей храмовой газеты "Сад духовный". Буду рад дружбе.

С благодарением, **Терентій Травнікь**. Россия.

19-11-2016 Спасибо за рассылку. Поздравляю с 17-летием!
С. Криворотов. Россия.

19-11-2016 Здравствуйте, Тамара! Благодарю за публикации. Всегда восхищаюсь Вашему художественному вкусу и умению, терпению, интуиции и трудолюбию. Новых Вам жемчужинок и жемчугов для Ваших замечательных ожерелий!

В.К. Невярович, Москва.

22-11-2016 Здравствуйте, Тамара! Получил очередной номер "Жемчужины". Прекрасный журнал, читается на одном дыхании и с большим интересом. Искренне благодарен Вам за Ваш труд. С теплом, **Евгений Новицкий**. Украина.

1-12-2016 Здравствуйте Тамара! Приятно был удивлён опубликованию в очередном номере «Жемчужины» моих осенних зарисовок - спасибо за публикацию и полученный по электронке номер! - читаю, и многое нравится. Позвольте поделиться впечатлениями. Автору очерка «Есенин - как символ России» - прошу по возможности передать признательность и уважение. Есенина люблю со школы, и в этом заслуга учительницы по литературе Медведевой Луизы Ивановны. На свои уроки она приносила газеты того времени в котором жил Есенин, читала нам статьи и заметки о нём, находила время на внеклассные занятия. Несколько лет назад на суд зрителей был представлен фильм Есенин, а через несколько лет в Благовещенске проходил Кинофестиваль «Амурская осень». Случайно у меня состоялся разговор с артистом Михайловым исполнителем роли следователя в фильме. И он задал мне вопрос: как я думаю - произошло самоубийство или убийство Есенина? Я ответил: что ещё до просмотра фильма в далёком 1980 г. мы школьники были уверены что Есенин **не** самоубийца: он так хотел жить и работать, у него было столько намечено на год в котором он жил, и на следующий... Есенин - один из символов России, я бы добавил - духовных символов. Автор в очерке представил различные точки зрения современников на творчество поэта и, как по прошествии времени происходит переоценка и признание, в первых же строчках Анны Ахматовой - «Умолк вчера неповторимый голос». Благодаря статье - обязательно найду работы Марины Колосовой и прочту о её простой жизни. Автор - как и я, и многие читатели - любит Есенина, обладает интересной информацией о его творчестве и жизни, и делится с читателями. Владимиру Невяровичу - признательность и уважение. Ещё раз благодарю Вас Тамара за номер журнала; по прочтению повторю остальных работ, напишу. С уважением, **Евгений Кульба**. Россия.

27-12-2016 Здравствуйте, уважаемая Тамара Николаевна! От всей души поздравляю Вас с наступающим Новым годом! Крепкого Вам здорлвья, семейного благополучия. Успехов всгда, вездне и во всём! С глубоким почтением, благодарный Вам, **Владимир Колабухин**. Россия.

3-1-2017 Доброго времени суток, уважаемая Тамара Николаевна! С некоторым запозданием, поздравляю Вас и весь коллектив журнала "Жемчужина" с январскими праздниками: наступившим Новым годом и грядущим Рождеством Христовым! Любви и тепла, вдохновения и удачи, благополучия и процветания! Новых свершений в Новом году! А главное - творческого настроения.

Фёдор Ошевнев (Ростов-на-Дону).

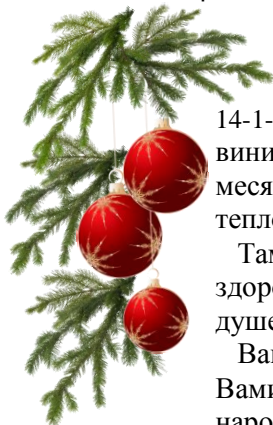
1-1-2017 Дорогая Тамара!
Поздравляю Вас с Новым годом.
Успехов Вам творческих, издательских, счастья в жизни, всех благ!
Евстифеев Юрий.
Россия.

Письма читателей

10-1-2017 Здравствуйте Тамара! На Прозе.ру прочитал Ваш небольшой рассказ «Лёничка» и добрые рецензии к нему. Рассказ наполнен глубоким смыслом; согласен с авторами рецензий: любовь к родному языку прививается с детства добротой, примером бережного отношения не только к своему языку но и к людям являющимся носителями других языков. У моего друга прекрасно владеющим китайским языком руководитель группы китайских туристов хорошо владеющий уже много лет русским языком выяснял - что означают слова по отношению к человеку: «бесшабашный, безалаберный, семь пядей во лбу» и другие. И не просто выяснял, но и записывал, проговаривал их быстро и радовался искренне как ребёнок новыми познаниями в русском языке. Переводчик китаец свой любовью к русскому языку достоин уважения и служит примером как необходимо относится к делу которым занимаешься и любишь. У мастера своего дела трудолюбию не грех и поучиться... Пишите таких работ больше, они будут востребованы и детьми и их родителями. Спасибо Вам, за работу.

С уважением и пожеланием творческих успехов. **Е. Кульба**. Россия.

14-1-2017 Здравствуйте, уважаемая Тамара Николаевна! Для начала хотел бы извиниться перед Вами, что долго не отвечал. Я уезжал в командировку на четыре месяца, не было возможности выхода в интернет. Очень Вам признателен за Ваше теплое отношение ко мне и публикацию моих стихов!

Тамара Николаевна, поздравляю Вас с Новым годом и Рождеством! Желаю Вам здоровья и процветания Вашему детищу! Мало в наше время таких светлых и душевных изданий как журнал "Жемчужина"!

Вашу просьбу о подписании петиции не оставил без внимания. Абсолютно с Вами согласен и считаю подобного рода фильмы и пр. плевком в лицо русского народа. С уважением, **Павел Грызлов**. Россия.

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю

Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
 Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
 Пороша есть иль нет? и можно ли постель
 Покинуть для седла, иль лучше до обеда
 Возиться с старыми журналами соседа?
 Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
 И рысью по полю при первом свете дня;
 Арапники в руках, собаки вслед за нами;
 Глядим на бледный снег прилежными глазами;
 Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
 Двух зайцев протравив, являемся домой.
 Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет;
 Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
 По капле, медленно глотаю скуки яд.
 Читать хочу; глаза над буквами скользят,
 А мысли далеко... Я книгу закрываю;
 Беру перо, сижу; насильно вырываю
 У музы дремлющей несвязные слова.
 Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
 Над рифмой, над моей прислужницею странной:
 Стих вяло тянется, холодный и туманный.
 Усталый, с лирою я прекращаю спор...

Александр ПУШКИН.

Первый снег

Зимним холодом пахнуло
 На поля и на леса.
 Ярким пурпуром зажглись
 Пред закатом небеса.

Ночью буря бушевала,
 А с рассветом на село,
 На пруды, на сад пустынный
 Первым снегом понесло.

И сегодня над широкой
 Белой скатертью полей
 Мы простились с запоздалой
 Вереницею гусей.

Иван Бунин.

*Женщина - это
 прекрасная смесь
 чистой нежности
 с нечистой силой...*

Мария Всеволодовна Крестовская

(1862 - 1910 г)

Ранние грозы

Ранние грозы

Продолжение

(начало в № 60)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

V

...Последние возы загружались перед растворенным настезь парадным подъездом Алабиных. Марья Сергеевна, следя за переноской, печально сидела на вынесенном из мужниного кабинета кресле в своем опустевшем будуаре. Она тоскливо смотрела, как выносили вещь за вещь, и сердце ее сжималось ноющей болью. Каждая вещь вызывала в ней воспоминание о чем-то далеком, отрадном и милом. Сколько вещей уложила она своими руками, сколько попало ей вещей уже старых, позабытых, и только во время укладки вновь попавшихся на глаза. Каждая из них имела свою историю и разворачивала перед ней свою страничку, страничку прошлой жизни. Еще дороже казались ей те вещи, которые она оставляла здесь. И взглядами, ласковым прикосновением руки она прощалась с ними, как с живыми, близкими ей существами, товарищами ее прежних, счастливых и спокойных дней. В этой квартире она прожила почти одиннадцать лет, и теперь эти годы вставали в ее памяти ожившими до мельчайших подробностей...

Она так страстно желала еще неделю назад свободы, независимости и начала совсем новой, иной жизни. И вот это совершилось. Все сделалось так, как она хотела. А в душе она чувствовала только боль, тоску и пустоту. Мысль о Вабельском уже не вызывала в ней особенной радости и счастья. Так сильна была еще над нею власть прошлого и привычки, и только теперь она поняла это. С этого дня кончалась ее прежняя жизнь, с ее привязанностями, привычками и условиями, и все это ей казалось теперь лучше и дороже, чем прежде. Она поняла, что воспоминания об этом прошлом будут отравлять и портить ее новое счастье и жизнь, и эта новая жизнь и счастье, которые она сама же избрала, не казались ей уже такими полными и прекрасными, как в то время, когда она еще только мечтала о них. С неволью охватившим ее сомнением и ужасом она спрашивала себя: то ли это, чего она хотела, и если то, действительно ли оно было нужно и хорошо.

Серьезное, печальное лицо дочери, как бы постаревшее за эти дни, смущало ее еще сильнее. Она угадывала ту бурю, которую сама же подняла в душе Наташи. Марья Сергеевна не могла скрыть от себя, что в горе Наташи виновата она одна, и сознание этой вины мучило ее совесть, но исправить зло она уже не могла.

Когда последний воз был уже уложен и люди пришли сказать ей, что все готово, она тяжело поднялась с кресла и, сказав, чтобы ее ждали внизу, прошла в кабинет мужа.

Там все было по-старому. Его кабинет, столовая и зала остались нетронутыми; каждая вещь стояла на том самом месте, где она помнила ее и две недели, и десять лет назад. Все знакомо, каждая вещь, каждый угол. Сколько тут поставленного ее же рукой! Она грустно переводила глаза с одной вещи на другую; задумчиво взглянула на портфель мужа, лежавший под ее рукой. "Он тоже несчастлив, - подумала она, и глаза ее затеплились мягким, влажным светом, - оттого и я не чувствую счастья... Они несчастливы оба. Мое счастье вытекает из их несчастья, и такое счастье не может быть полным."

В соседней комнате раздался голос Фени, спрашивавшей у носильщиков, где барыня.

Марья Сергеевна нетерпеливо откликнулась и, выйдя в залу, остановилась на минуту около двери, запирая ее на ключ. Ключ до приезда Павла Петровича нужно было отдать швейцару. Когда замок щелкнул протяжным металлическим звуком, ноющая тоска опять охватила сердце.

Феня, с узлами и картинками, сидя на окне, ожидала ее в опустелой гостиной.

Подходя к гостиной, Марья Сергеевна слышала, как Феня, любившая выражаться по-книжному и деликатно, сказала кухарке:

- Точно развалины...

Марья Сергеевна вздрогнула. Да. Правда. Это развалины всего прежнего, прошлого. И на них она строит новое...

Ей вдруг вспомнилась притча из Евангелия о том, как один человек построил дом свой на песке, и дом не выдержал первых же дождей и ветров, и рухнул. «И это рухнет...» - сказала она себе, и в это мгновение ей было так ясно и понятно, что оно должно рухнуть. Но, как бы испугавшись своего предчувствия и желая отогнать его, она начала торопливо расплачиваться и раздавать на чай всем ожидавшим ее дворникам и носильщикам. На всех этих лицах ей виделось любопытство и недоумение, и мысленно она уже слышала все те сплетни, которыми все они втихомолку судят и рдят ее теперь, за ее же спиной. Она сконфуженно краснела и, стараясь ни на кого не смотреть, поспешно спустилась с лестницы.

Наташа дождалась ее уже в карете. Но когда карета тронулась и стоявшие на крыльце швейцар и дворники сняли перед ней в последний раз шапки и кланялись им на прощание с каким-то сожалением, Марье Сергеевне стало вдруг жаль не только опустевшей квартиры, но даже этих добродушных бородатых лиц, которые она в течение многих лет привыкла видеть и встречать почти каждый день. Она невольно подняла кверху глаза и взглянула еще раз на оголенные, темные окна своей квартиры. Только на окнах залы и кабинета шторы были опущены, точно там был тяжелобольной.

Наташа еще долго, пока не повернули за угол и дом совсем не скрылся из виду, смотрела из кареты на его темные окна, убегающие вдаль. И когда их не стало видно, она вдруг заплакала и, быстро вытирая глаза, старалась, чтобы мать не заметила этого.

- Прощай, папа... - сказала она, тихо плача.

VI Перебравшись на новое место, Марья Сергеевна стала жить очень замкнуто и уединенно. История с Вабельским и с разводом скоро разнеслась по всему кругу ее знакомых и сделалась поводом для сплетен и пересудов. Хорошо сознавая всю двусмысленность своего положения, она и сама тщательно избегала встреч с прежними знакомыми.

Прошло почти полгода со времени ее расставания с Павлом Петровичем, а ощущение чего-то неопределенного, неизвестного, непостоянного, которое она испытывала тогда, не проходило. Она поневоле сознавалась себе, что раньше, мечтая, она представляла себе новую жизнь совсем не такую, какою она оказалась в действительности. Порой даже казалось, что прежде было лучше; тогда еще все надежды и мечты возлагались на будущее, а теперь это будущее стало настоящим, а надежд и веры становилось все меньше. И впереди, кроме рождения ребенка, которого она ожидала со странным чувством тревоги и радости, не могло уже случиться ничего такого, что снова повернуло бы ее жизнь к лучшему. Она старалась заглушить в себе чувство пустоты, когда оно слишком сильно подступало к сердцу, приписывая его всему - и ложности своего положения, и болезненному состоянию беременности, и укорам совести за мужа и дочь. И только настоящую причину его она не хотела понять, хотя осознание этой причины жило в ней.

Причина была та, что она инстинктивно чувствовала в Вабельском недостаток любви. Она также понимала непрочность своего счастья с ним, и невольно предугадывала в будущем нечто худшее, чем то, что было теперь. Но чем сильнее говорило в ней предчувствие, чем меньше веры оставалось в прочность его любви, тем больше любила его она - как бы из страха потерять его совсем. Она сознавала, что в нем - весь интерес, вся полнота и прелесть ее существования, что без него жизнь ее будет окончательно разрушена и бесцельна, и инстинктивно цеплялась за него, как за единственное спасение. Сама громадность жертв, принесенных ему и исковеркавших весь строй ее жизни, заставляла еще горячее привязываться к нему.

Бракоразводный процесс шел очень медленно и, затягиваемый различными проволочками, грозил не закончиться по крайней мере еще год. Но в душе Марья Сергеевна была бы довольна, если бы муж вообще не поднимал этого вопроса. Его великодушие и доброта тяготили ее, а мысль, что он берет всю вину на себя и пачкается из-за нее в грязи ложных на себя свидетельств, была ей противна и тяжела. Тем более, что она хорошо понимала всю бесполезность этого развода. Перестать верить в то, что Вабельский любит ее все так же страстно и горячо, как ей это казалось вначале, она не хотела, да и не могла. Но она хорошо понимала, что он не хочет жениться на ней. Он сам несколько раз намекал ей более или менее ясно, что брак не в его принципах и что, по всей вероятности, он никогда не женится. Марья Сергеевна со своей

врожденной деликатностью и застенчивостью и не обязывала его к этому... не только словами, но и мысленно. Единственное, чего она желала, это не потерять его совсем.

Боясь этого, она довольствовалась теми крохотными правами, которые отчасти у нее были на него, и не требовала большего. И все-таки Марья Сергеевна не могла бы сказать, что она была совсем несчастлива. Она так любила его, что уже сама сила этого чувства давала ей некоторое счастье. И, любя его так страстно, находила счастье в том, что не удовлетворило бы другую женщину, любящую менее горячо и ослепленно. Каждая маленькая его ласка делала ее уже счастливою, и радуясь ей, она забывала всякое горе. Будущее, правда, пугало; особенно сильно - в моменты, когда этих ласк с его стороны не было. Живя с мужем, она всегда представляла свое будущее простым, ясным и определенным. Теперь же, думая порой о нем, терялась и начинала бояться.

Павел Петрович переехал в Москву и жил там, переписываясь время от времени с дочерью. Иногда Наташа приносила эти письма матери. Но и Марья Сергеевна, и сама Наташа чувствовали неловкость и смущение, читая их вместе, а потому старались умалчивать о них. Мать с дочерью редко говорили об отце. Каждый подобный разговор стеснял их, воспоминания о чем бы то ни было, касавшемся прежнего, были обоим неприятны и тяжелы. Та страстная, трогательная жалость к матери, которую Наташа впервые почувствовала накануне возвращения отца, и продолжала испытывать почти все время до полного разрыва Марьи Сергеевны с мужем, стала постепенно исчезать в ней. Наташе было за это стыдно, но вызвать ее в себе вновь она уже не могла. Она не могла точно определить время, когда в ней началось новое охлаждение, отчуждение к матери; но ей казалось, что, скорее всего, это началось в ту самую минуту, когда она с плачем кинулась на шею к отцу, как бы прося этим простить ее за то, что выбирает мать, а не его. Наташа выбрала мать, так как в ту минуту ей казалось, что она не в состоянии будет жить без нее. И еще - из чувства какого-то нравственного долга, который обязывал, как она думала, не бросать мать и защищать ее в несчастье. Но когда Наташа сделала этот ужасный для нее выбор, заставлявший отказываться от одного из горячо любимых существ, в ее душе невольно поднялось чувство горечи и раздражения против того из них, во имя которого она отказывалась от другого. С тех пор горечь не проходила и, часто растравляемая явными доказательствами страстной любви матери к Вабельскому, сильнее поднималась в душе девочки... и больше портила их и без того уже неискренние отношения. Они мало говорили друг с другом. Каждая жила своею внутренней жизнью. Что еще больше разъединяло их: симпатии, стремления, мечты и надежды - все было у них разное, мечты одной противоречили желаньям другой.

К этому в Наташе прибавилась тоска по отцу и "по прежнему". Она не могла забыть это "прежнее" и страстно обращалась к нему всею душой. Оно составляло для нее цель всех желаний и надежд. И так как она видела мать совершенно переродившеюся и принадлежащую всецело тому новому, которое Наташа глубоко ненавидела, то все "прежнее", святое и счастливое, воплотилось для нее в образе отца. Любовь к нему стала сильнее, чем когда-нибудь, но хотя совесть и мучила ее за измену ему, она все же знала теперь, что не бросит мать и не уйдет от нее. Она видела ее слабую, беспомощную, запутавшеюся в чем-то ужасном и, чувствуя себя морально сильнее и тверже, считала своим долгом не оставлять ее, быть при ней, помогать и защищать ее от того "ужасного", в чем она запуталась. Как это сделать, как может она защитить мать, Наташа и сама не могла четко определить. Но, ненавидя Вабельского всеми силами души, она знала, что он-то и есть источник несчастья, постигшего семью, что именно он - тот страшный враг, то "ужасное", против чего она должна бороться до последней возможности.

Наивная, неопытная и несколько экзальтированная, как и вообще подростки в пятнадцать лет, она часто, лежа по ночам в постели, придумывала, как освободиться от Вабельского. И создавала мысленно целые романы. Она - то убивала его... что не вызывало в ней ужаса и страха, но, напротив, мысленно совершала это с тем чувством наслаждения, с каким в действительной жизни раздавила бы ядовитую гадюку, готовую ужалить ее мать. То она жертвовала как-то собою, своею жизнью; и мать, растроганная ее жертвой и смертью, раскаивалась и сама возвращалась к отцу. То какой-то иной, нравственной силой побеждала своего врага: вырывала из сердца матери ее несчастную любовь, и они вместе возвращались к отцу, к прежней жизни и счастью. Порой ей казалось, что все это только страшный сон, кошмар; вот-вот она проснется, и тогда все пройдет и окажется неправдой. Иногда, просыпаясь поутру, она спрашивала себя: не сон ли все, что было? И медлила открыть глаза, мечтая, что, раскрыв их, увидит опять знакомые милые стены их старой квартиры на Николаевской. По ночам, когда она лежала одна в

темной комнате, разгоряченная и взволнованная мечтами, ей все это казалось простым, легко осуществимым. Но днем, когда снова возвращалась в реальную жизнь, ее ум, которому свойственна была частица трезвости и деловитости отца, снова понимал всю несбыточность и невозможность ее грез.

Часто также, особенно по ночам, она силилась мысленно представить себе - где теперь отец, что делает в эту минуту и что думает? Она создавала в своем воображении отчетливую до мельчайших подробностей картину, в которой мысленно видела не только его самого, но и то, что, по ее мнению, должно было окружать его в эту минуту. Она видела мебель, его письменный стол с бумагами, стакан чая с серебряными решеточками подстаканника и круглым кусочком лимона, плававшим в нем, точно так же, "как тогда было при них". А его лицо, фигура и руки, выглядывающие из широких рукавов накрахмаленной рубашки, застегнутых круглыми, плоскими, его любимыми запонками черного серебра, рисовались ей так ясно и живо, что ей хотелось броситься к нему на шею и крепко прижаться к этой волосатой милой руке. Она зажмурилась, чтобы еще яснее увидеть перед собой эту мысленную картину, - по той складочке, которую, как ей казалось, она видит между его бровей, она чутьем угадывала всю тоску его одиночества, и страстная жалость и любовь к нему еще сильнее охватывали ее. И, плача сама, она начинала утешать его, говорить с ним, ласкать его.

Чем больше она думала об отце, тем отвратительнее и ужаснее становился для нее Вабельский. Она ненавидела не только его самого, но и каждую черту его порознь: его фигуру, лицо, голос, брови, взгляд, зубы - все, что составляло каким-нибудь образом его принадлежность. Как собака или перчатка Виктора Алексеевича вызывали в Марье Сергеевне отблеск нежности и любви, так эти же собака и перчатка Наташу заставляли бледнеть и вздрагивать от какого-то гадливого чувства. Даже руки она не могла протянуть ему без того, чтобы не почувствовать гадливости. И когда видела его, у нее сразу менялось не только расположение духа, но и само лицо, голос...

Виктор Алексеевич прекрасно понимал, какое чувство вызывает он в Наташе, и от всей души платил "девчонке" тем же. Сознывая свое превосходство и силу, он иногда с наслаждением старался нарочно разжечь, раздражить ее - желая отомстить и показать ей все ее бессилие. Зная, чем быстрее всего можно возмутить ее, начинал - нарочно, при ней - показывать свое влияние и близость к Марье Сергеевне. Говорил ей "ты". Ласкал. Требуя, шутя, в ответ таких же ласк. И взглядывал при этом на Наташу светлыми, насмехающимися холодными глазами, как бы мысленно говоря: "Что, волчонок? Чья взяла?"

Наташа инстинктивно чувствовала, что он делает это "нарочно, назло ей". Она бледнела, глаза вспыхивали злым огнем, и прилив ненависти охватывал с такою страстною силой, что она забывала все и, чувствуя на себе его взгляд - внутренне издевающийся над нею - как бы безумела. Ее одолевало страстное желание броситься на него; вцепившись в его горло, задушить его, с мучительным наслаждением, собственными руками. И она до боли закусывала губы и убегала к себе с помутневшими глазами, задыхаясь от внутренней борьбы.

Марья Сергеевна прежде сдерживалась, стеснялась и избегала быть при дочери очень ласковой с Виктором Алексеевичем. Но постепенно привыкла к ее присутствию, и, незаметно для себя самой, начала сдерживаться меньше. Сначала она не разрешала Вабельскому приезжать к ним на квартиру очень часто и подолгу оставаться у них. Она предпочитала сама ездить к нему, где чувствовала себя более свободно. Но беременность, крайне тяжелая, осложнившаяся еще и болезненными сердечными приступами, часто заставляла ее не только не выходить подолгу из дома, но и лежать по нескольку дней в постели. Тогда ей было тяжело не видаться с ним, и она сама посылала за ним. Он приезжал, просиживал несколько часов, и она сама удерживала его, чувствуя страшную тоску при мысли, что он уедет и она опять останется одна - больная и беспомощная и, быть может, не увидит его ни завтра, ни послезавтра.

Если в комнате была Наташа или горничная, Марья Сергеевна сдерживалась, сколько могла, говорила с ним на "вы" каким-то особенным, плохо выдержанным официальным тоном. И только украдкой сжимала на мгновение его руку в своей, и не сводила с него влюбленных жадных глаз. Но как только они уходили, она сейчас же спешила вознаградить себя за добровольное лишение и притворство - переходила опять на "ты" и осыпала его беззвучными, страстными поцелуями и ласками, от которых Виктор Алексеевич слегка морщился и отстранялся. Иногда она не выдерживала даже и при Наташе, и у нее невольно вырывался какой-нибудь влюбленный жест, слово, взгляд. Часто она проговаривалась, и при дочери называла его на "ты". Выдав себя таким образом, Марья Сергеевна вспыхивала и бросала на Наташу быстрый сконфуженный взгляд. Но Наташа с угрюмым упрямством не поднимала глаз; по ее лицу труд-

но было определить, заметила она промах матери или нет. В большинстве случаев, как только Вабельский приезжал, она уходила к себе. Но ее комната была через стену от материнской, и она не только слышала голоса, но, если они случайно повышались, то до нее ясно долетали и слова. Тогда она краснела и быстро вскакивала, чтобы опустить портьеру на своей двери. Она крепко зажимала уши руками и начинала вслух долбить какой-нибудь урок, стараясь своим голосом заглушить те слова, что раздавались в соседней комнате.

Мучительнее всего было для Наташи понимание, что у ее матери скоро будет другой ребенок. Ей казалось это чем-то таким ужасным, обидным и оскорбительным, что она почти не верила в подобную возможность. А между тем эта возможность делалась все очевиднее, приближалась. Она видела изменившуюся фигуру матери, ее болезненные приступы, и при виде их и этой фигуры Наташу охватывало брезгливое и неприятное чувство. Ей делалось противно, и горечь сильнее поднималась в душе. Марья Сергеевна старалась маскировать от дочери свое положение, но потом она поняла, что дочь все равно догадалась. Наташа часто заставляла мать за шитьем крошечных рубашек и пеленок; при ее появлении Марья Сергеевна всегда торопливо прятала их - из тайного чувства, не позволявшего готовить белье будущему ребенку своего любовника в присутствии дочери своего мужа. Но с течением времени постепенно прошло и это.

Чем больше они расходились с Наташей, чем более чуждыми становились друг другу, тем с большею нежностью думала Марья Сергеевна о будущем ребенке. Чувствуя непрочность любви Вабельского, охлаждение с дочерью, разрыв с мужем и полный распад всей жизни в случае, если Вабельский бросит ее, она инстинктивно искала в этом ребенке новой цели, нового источника счастья и жизни, новой привязанности, без которой не могла обойтись. Порой ей даже казалось, что в этом ребенке воскреснет ее прежняя Наташа, которая осталась где-то в далеком прошлом и по которой она так часто горько тосковала...

VII В ночь на 29 марта у Марьи Сергеевны родился сын.

Наташа с каким-то болезненным и тревожным ощущением прислушивалась к страшным крикам, долетавшим до нее из комнаты матери. Силой природного женского инстинкта она не только постигала всю муку этой ужасной боли, но, слыша душераздирающие крики, она как бы чувствовала и в себе то страдание, которое должна была испытывать мать. Ощущение этой боли делалось порой до того реальным и острым, что она даже хваталась за грудь и крепко прижимала ее, так как ей казалось, что эту боль она чувствует именно в груди, то есть там, где, она думала, ее чувствует и Марья Сергеевна... Но в то же время в душе ее не было жалости к матери. Жалость заглушалась сознанием, что в новом страдании матери виноват все тот же Вабельский. То есть ее враг. Которого в эти минуты она ненавидела сильнее, чем когда-нибудь. Еще год назад Наташа не сумела бы понять, каким образом этот ребенок мог быть ребенком Вабельского, а не ее отца, за которым ее мать была замужем. Но за этот год она приучилась думать, наблюдать, вглядываться и допытываться до всего. Ей пришлось пережить и испытать больше, чем следовало бы в ее возрасте; врожденный инстинкт женщины развился в ней постепенно, и многое стало бессознательно понятно. В силу этого инстинкта, она еще задолго до рождения ребенка поняла, что он - чужой для ее отца, а следовательно, и для нее. Она не находила в себе даже простого участия. Одна мысль, что отец этого ребенка - ее заклятый враг, уже настраивала и ожесточала ее и против самого ребенка. И, думая о нем, она чувствовала почти такую же ненависть, какую чувствовала к его отцу.

Наташа не раздевалась и не ложилась спать всю ночь. Сидя на окне, она машинально смотрела на темную пустую улицу, чутко прислушиваясь к тому, что делалось в соседней комнате. На дворе моросил частый дождик, небо начинало уже бледнеть - занимался серенький дождливый день, более напоминающий позднюю осень, чем раннюю весну.

Постепенно Наташа привыкла к стонам, доносившимся из спальни. И лишь при каком-нибудь особенно громком крике она вздрагивала, тревожно приподнимала голову, и несколько мгновений глядела на запертую дверь испуганными, широко раскрытыми глазами.

К утру ее одолела усталость. Все кости болели; от неудобной напряженной позы, в которой она просидела на окне всю ночь, затекли ноги, ломило поясницу. Она встала, слегка потянулась и подошла к кровати. Ей страшно хотелось прилечь, во рту неприятно пересохло, а в голове стучала, приливая, кровь. Боясь заснуть, она не хотела ложиться совсем и, только присев на раскрытую постель, устало опустила на подушки голову. Хотя она даже не вытянула ноги, ей вдруг показалось необыкновенно удобно и хорошо на этой постели. Она свернулась калачиком, подсунув руку под голову, легла, как любила, бывало, лежать еще маленькою. Ощущение теп-

ла, разлившегося по всему ее телу, вдруг отодвинуло от нее и крики матери, и рождение ребенка, и все, о чем она думала...

В соседней комнате что-то говорили...

Наташа крепко спала на боку в той самой позе "клубочком", в которой заснула. Край одеяла соскользнул и, открыв ее спину, упал на пол. Но она не чувствовала ничего, не видела снов, ни разу не повернулась на другой бок. Только лицо ее разгорелось и пылало ровным ярким румянцем, да на лбу, около корней темных волос, выступили влажные капельки пота. Она долго бы так проспала, но что-то вдруг стало ей мешать. Какой-то звук... Что-то где-то кричало; и сквозь сон она слышала этот крик - он смутно тревожил ее, как иногда тревожит спящего человека жужжащая вокруг его головы неотвязная муха. Как бы желая заглушить этот мешающий крик, Наташа сквозь сон потянула одеяло на себя повыше. Но звук продолжался, постепенно разрушая сон; она нетерпеливо потрянула головой и нехотя повернулась на другой бок. Звук как будто стих, но через мгновение поднялся с новою силой; казалось, он не только продолжается, но и усиливается, превращаясь в пронзительный плач, приближается к ней. Она лениво открыла глаза, нехотя приподняла голову. В первое мгновение ничего не могла сообразить и с неудовольствием оглянулась вокруг. И вдруг звук, разбудивший ее, раздался так ясно и близко, что она даже вздрогнула...

С испугом вслушиваясь в этот громкий плач, которым кричат только новорожденные, да еще самые маленькие, грудные дети, Наташа встала с постели и осторожно подошла к двери. Наконец, плач стал затихать, и прекратился совсем.

В соседней комнате кто-то ходил, баюкая, по-видимому, ребенка. Наташа ясно слышала то "шши, шши, шш", которым няньки укачивают обыкновенно ребенка. Потом кто-то громко проговорил: «Нет, кормить рано... Просто ромашки тепленькой дать...» Наташа тихо вздохнула и, отойдя от двери, села на стул. Теперь она все прекрасно вспомнила и поняла. Не помнила только одного - когда она заснула, и сколько проспала. Было уже совсем светло, дождь перестал, но небо по-прежнему было обложено дождевыми серыми облаками.

Она прекрасно помнила, что не хотела засыпать всю ночь именно потому, что хотела дожидаться "этой" минуты. Почему хотела - не могла объяснить себе. И теперь ей было досадно, что все-таки проспала, не дождалась. Теперь она менее чем когда-нибудь чувствовала к этому ребенку предубеждение и злость. Скорее, было к нему любопытство. И, мысленно, силилась представить себе - какой он. Она никогда не видела новорожденных, и этот ребенок пробуждал в ней любопытство женщины, желающей узнать то, чего она еще не знает. «Он, наверное, будет похож на него», - сказала она себе, и при этой мысли добродушное любопытство вдруг стало затухать в ней и снова сменяться отталкивающим и неприятным чувством. Наташа угрюмо сидела на стуле, когда вошла Феня с кувшином холодной воды для умывания.

- Да уж вы и встали! - сказала Феня. - А мы думали, еще спите, я уж будить пришла, одиннадцать часов скоро... И гимназию свою проспали.

Она остановилась, взглянув Наташе прямо в лицо своими плутоватыми, усмехающимися глазами, с тем выражением, которое часто появляется у людей, когда они хотят объявить какую-нибудь интересную новость.

- А вам Бог братца послал!

Наташа вспыхнула и быстро скользнула взглядом с лица Фени на кувшин, который она держала в руках.

- Хорошенький такой, - продолжала Феня, - розовенький, да такой большой, просто, можно сказать, на удивление ребеночек, даже бабушка удивляется: красавчик, говорит, будет...

Наташа все ниже и ниже опускала глаза, и пунцовая краска, залившая ее щеки, разлилась вдруг и по лбу, и по шее, и зажгла даже уши. "Нет, зачем она мне это говорит, - думала она, - зачем? Она знает, что мне неприятно. О, все, все они перешли *к нему!* Даже Феня, которую нанял еще отец". И ей страшно хотелось заплакать и оттого, что "у нее братец родился", и оттого, что Феня нарочно дразнит ее, и оттого, что в эту минуту она лучше и яснее, чем когда-нибудь, сознавала, что то "прошлое", о котором она все еще мечтала, уже окончательно невосвратимо. «Да, - сказала она себе, - теперь уже нельзя, совсем нельзя...»

И она вдруг резко оборвала Феню:

- Ну, давай мыться!

Феня подошла к умывальнику. Поливая водой на руки Наташи, продолжала все с тем же плутоватым и непонимающим видом рассказывать - и о "маленьком", и о том, как барыня мучились, а теперь радуются, и о тому подобных вещах...

Наташа не совсем ошибалась. Между нею и Феней давно уже возникла скрытая неприязнь, и даже борьба, начало которой положил опять-таки Вабельский. Вабельский всегда был очень щедр с чужою прислугой, лакеями и швейцарами, и потому был у них в фаворе. За эти полгода Феня не только вполне освоилась с новым хозяином, но почувствовала к нему даже ту особую слабость, которая часто появляется у женской прислуги к красивому и щедрому барину.

К Павлу Петровичу Феня относилась с тою сдержанной насмешливостью, с оттенком даже легкого презрения и сознания собственного превосходства, с каким относилась и к Марье Сергеевне, и к Наташе, и почти ко всем другим господам, которым служила. К Виктору же Алексеичу она чувствовала какое-то почтение - не только лично к нему, но и к его красоте, и к тому особенному тону, которого он с нею держался. Скорее любезный и даже шуточный, но вполне игнорирующий ее и ни на одну секунду не позволяющий ей забыть перед ним, он пленял ее и как прислугу, и как женщину, и она служила ему с особенным старанием и удовольствием. Именно вследствие этого и завязалась затаенная борьба между нею и барышней.

Наташа огорчалась, видя, что Феня перешла совсем на сторону Вабельского, и не любила ее за это. Феня же и раньше не чувствовала к барышне особенной нежности, а теперь, зная ее ненависть к Вабельскому, никогда не упускала случая подразнить чем-нибудь. Из-за этого у них часто завязывались ссоры, доходившие даже до Марьи Сергеевны. И Марья Сергеевна, дорожившая Феней именно за ее преданность Вабельскому и убедившаяся за последнее время, что у Наташи действительно дурной характер, нередко принимала сторону горничной, что всегда возмущало и оскорбляло Наташу чуть ли не до слез. Марья Сергеевна за последнее время не только привыкла, но даже привязалась к Фене - настолько, что почти не могла обходиться без нее. Феня знала всю историю: знала ее отношения и к мужу, и к Виктору Алексеичу, и к Наташе, и, по-видимому, не только не порицала их, но отношение к Вабельскому даже одобряла. Марья Сергеевна, вечно искавшая себе защиты и оправдания, была в душе очень благодарна своей горничной, понимавшей и не порицавшей ее. Мало-помалу она делалась с ней, сама того не замечая, все откровеннее и откровеннее. Марья Сергеевна никогда не уставала говорить про Вабельского, Феня всегда слушала все, касавшееся его, с заметным удовольствием. Вследствие этого Марья Сергеевна и дорожила Феней, и в то же время почему-то постоянно боясь, что она отойдет от нее, старалась задобрить ее деньгами, подарками и во всем уступать ей. В сущности, в доме было два хозяина: Вабельский и Феня. Остальные исполняли только их приказания и служили им. Феня прекрасно поняла и воспользовалась своим новым положением; у нее сразу появился какой-то особенный авторитетный тон и с господами, и с остальной прислугой в доме, с которою она держала себя полною хозяйкой, зная заранее, что всегда сумеет заставить барыню отказать, кому захочет, и взять, кого попросит.

VIII Около двенадцати часов Феня опять пришла к Наташе и сказала, что Марья Сергеевна просит ее к себе. Наташа удивилась. Она почему-то не ожидала, что мать захочет видеть ее так скоро. Она поспешно вышла из комнаты. Нужно было идти кругом - через коридор и гостиную, так как по случаю болезни матери дверь, ведущая в комнату Наташи, была загорожена диваном, на котором спала Феня.

Наташа торопливо шла по темному коридору; ей было и жутко, и совестно от того, что она сейчас увидит, и в то же время любопытно.

Войдя в комнату Марьи Сергеевны, она в первую минуту ничего не могла разобрать в полумраке от опущенных синих штор. Но Марья Сергеевна сама окликнула ее.

- Это Наташа? - спросила она тихим, пропавшим за ночь от ужасных криков голосом.

- Да, это барышня вошла! Можете, барышня, подойти к мамаше; только много разговаривать не дам.

Наташа только тут заметила, что в комнате, переливая что-то из чайника в стакан, стоит Анна Васильевна, акушерка, принимавшая роды у матери. И, заметив ее, Наташа в душе обрадовалась: "По крайней мере, не вдвоем". Она чувствовала, что в эту минуту остаться с матерью с глазу на глаз ей было бы неловко и тяжело.

- Наташа, пойдись ко мне, - позвала ее опять Марья Сергеевна и, как бы желая привлечь к себе дочь, протянула ей руку.

Наташа подошла ближе к кровати и остановилась с растерянным выражением на лице, которое всегда появлялось, когда бывала чем-нибудь сильно смущена. Но, заметив, что Марья Сергеевна хочет поцеловать ее, она торопливо наклонилась и, взглядывая искоса в тот угол, где стояла Анна Васильевна, как бы желая убедиться, что она еще тут, быстро и застенчиво поцеловала Марью Сергеевну в бледный влажный лоб. И в то время как она, наклонившись, цело-

вала мать, она вдруг почувствовала между собой и ею чье-то еще чуть заметное дыхание, и увидела прямо перед собою маленькую красную сморщенную головку, тихо чмокавшую крошечным ртом.

Наташа снова вспыхнула, ноздри ее дрогнули, раздулись, и потемневшие сразу глаза заискрились теми холодными зеленоватыми огоньками, которые Марье Сергеевне напомнили холодный блеск глаз Павла Петровича в ту минуту, когда она признавалась ему про Вабельского.

Марья Сергеевна поняла, что Наташа заметила ребенка. Но как это на нее подействовало и что она теперь думает и чувствует, по лицу ее понять не могла. Наташа молча смотрела на лежащую перед ней крошечную фигурку в белых пеленках, и только одна бровь на ее спокойном лице слегка приподнялась и вздрагивала.

Марья Сергеевна мало-помалу так привыкла к мысли о своей беременности, что это даже не огорчало и не мучило ее стыдом и ужасом, как поначалу. Но в эту минуту, под молчаливым взглядом дочери, она снова почувствовала неловкость смущения и даже какой-то безотчетный страх. Ей страстно хотелось, чтобы Наташа заговорила сама, первая сказала бы ей что-нибудь, или хотя бы просто улыбнулась. Но Наташа молчала, и Марья Сергеевна заговорила, наконец, сама робким и неуверенным голосом:

- Мне бы хотелось... чтобы ты... полюбила его, Наташа.

Наташа не отвечала, только вспыхнула еще сильнее. Но в душе подумала: "Разве я могу насильно заставить себя любить? Нет, я не могу и не должна любить его..."

- Он не виноват, - прибавила тихо Марья Сергеевна и с глубокою нежностью взглянула на ребенка.

Теплотой своего живого тельца он согревал ее грудь. И эта теплота, проникавшая в нее от него и приятно разливавшаяся по ее собственному телу, делала его еще ближе, дороже и милее, наполняла нежностью к нему, жалостью и любовью. Упорное молчание дочери, не хотевшей разделить ее нежность к этому крошечному существу, казавшемуся ей таким слабым, беззащитным, беспомощным, было обидно, больно и даже оскорбительно.

Но чем нежнее становился взгляд матери, тем холоднее делались глаза Наташи.

- Ну, довольно, довольно, - сказала Анна Васильевна, подходя к ним, - поцеловались, и будет на первый разочек. Впрочем, может быть, барышне братца поглядеть хочется? - обратилась она вдруг к Наташе; осторожным ловким движением она подняла ребенка, слегка откинула покрывавший его головку белый платочек, и поднесла малютку к самому лицу Наташи.

Ребенок морщился и щурил крошечные слипающиеся глазенки. Анна Васильевна ласково нагнулась над ним, улыбаясь своим широким, добродушным ртом.

- Агу, маленький, агу! - приговаривала она, радостно чему-то смеясь. - Ну, вот, видите, какой мы? Совсем кавалер! Здоровяк какой, восторг! Вот увидите, каким мы молодцом вырастем! Увидите, мамаша; потом радоваться будете, да Анну Васильевну благодарить. Так ведь?

Марья Сергеевна слабо улыбнулась и, чтобы лучше видеть сына, слегка приподняла с подушки голову.

- Ну, дайте мне его, - сказала она, глядя на Анну Васильевну с каким-то завистливым выражением в глазах, точно ей было жаль, что акушерка, а не она, Марья Сергеевна, держит на руках ребенка.

Анна Васильевна была полная, белокурая женщина с розовыми здоровыми щеками и веселыми смеющимися глазами. Опытная и умелая в своем мастерстве, она принимала роды всегда с таким довольным и радостным видом, как будто своим появлением на свет ребенок доставлял ей личное удовольствие. И чем ребенок был крепче, больше и здоровее, тем сильнее ощущала она самодовольную гордость.

- Сейчас, сейчас, - говорила она, смеясь и укладывая живой белый сверток на постели Марьи Сергеевны. - Ох, уж эти маменьки! Всех ребят мне всегда перепортят. Баловницы. Вот и Марья Сергеевна - страсть, какая баловница будет! Я уж теперь вижу. Да вот и барышня налицо: признавайтесь-ка, очень мамаша-то ведь баловала?

Анна Васильевна, сама того не подозревая, дотронулась до самого больного места Наташи.

Наташа исподлобья взглянула на мать. На мгновение их глаза встретились. Но Марья Сергеевна, слегка вспыхнув, быстро скользнула взглядом мимо дочери. Она чувствовала, что Анна Васильевна говорит правду и что этого ребенка она будет страстно любить и баловать. Но за это понимание ей делалось совестно перед Наташей. Как будто она у нее отнимала эту любовь, и обделяла ее в пользу нового ребенка.

В передней раздался громкий звонок. Наташа заметила, что, услышав его, Марья Сергеевна радостно вздрогнула, и счастливое выражение быстро осветило все ее лицо. Они обе изучи-

ли этот звонок, и каждый раз, услышав его, невольно вздрагивали - одна от радости, другая от ненависти.

Наташа быстро вышла в гостиную. Она не хотела встречаться с Вабельским. Думала, что успеет еще пройти, не встречаясь с ним. Но Феня, также хорошо изучила его звонок и всегда сама бежала отворять дверь. Она уже снимала с Вабельского в передней шинель и что-то говорила ему тем особенно торопливым и ласковым голосом, который появлялся у нее только при нем.

- Ну и слава Богу! Очень, очень рад... - отвечал он, улыбаясь и наскоро расчесывая перед зеркалом мокрую от дождя бороду.

Наташа, боясь нечаянно коснуться его в крошечной передней, остановилась у окна в гостиной, поджидая, пока он пройдет мимо.

Хотя Марья Сергеевна и очень желала в душе, чтобы Виктор Алексеевич был во время родов при ней, присутствие Наташи стесняло ее. Поэтому Феня только утром съездила за ним.

- А, барышня! Уже здесь! - проговорил Виктор Алексеевич, увидев в гостиной Наташу.

Обычно, когда они встречались без Марьи Сергеевны, они не подавали друг другу руки и довольствовались только молчаливым поклоном. И в этот раз Виктор Алексеевич хотел уже пройти мимо. Но вдруг передумал и подошел к ней. Протянул руку и окинул насмешливой улыбкой своих светлых голубых глаз.

- У мамы были? - спросил он с усмешечкой.

Наташа с удивлением смотрела на него, не понимая, зачем он подошел и что ему нужно.

- Ну, и что же, мальчугана видели?

Наташа вдруг поняла: "А, ты вот зачем..!" - сказала она себе, но ответила совсем спокойно:

- Видела, - и только губы ее побледнели и задрожали от негодования.

- Ну, и что же? - продолжал он. - Нравится?

Вабельский слегка усмехнулся. Он видел, что Наташа злится. Это сместило его.

Зная, как этот ребенок «нравится» ей и как она бессильно возмущена в эту минуту им, он даже рассмеялся: "волчонок" положительно забавлял его, и он любил дразнить его...

Но Наташа совсем не желала, чтобы кто-нибудь забавлялся ею, а тем более он. Хорошо понимая, что он нарочно дразнит ее, она - в душе возмущенная и оскорбленная - старалась оставаться на вид совершенно спокойною, чтобы только не доставить ему удовольствия видеть, как он задел ее. Но когда он спросил: "Нравится ли?" - рука ее, тяжело опиравшаяся на край стола, вдруг вздулась и налилась сине-багровой кровью от судорожной силы, с которою налегла на стол. Она вдруг снова почувствовала в себе страстный приступ ненависти, которая уже не раз охватывала ее желанием броситься на Вабельского, задушить его... Она молчала, крепко стиснув зубы и всей силой опираясь на стол, насильно удерживая на нем свои руки. В опьяневшем от ненависти мозгу смутно проносились мысли о матери, о ее болезни, о необходимости спокойствия для нее. И она инстинктивно сдерживала себя страшным напряжением воли, бессознательно чувствуя, что если она хоть на мгновение отдастся безумному порыву, то вцепится в его горло с тою силой, от которой теперь дрожал под ее затекшими посиневшими руками тяжелый дубовый стол.

Вабельский, улыбаясь, ждал ответа. Его интересовало, что она ему на это скажет. Но когда он встретил ее потемневший взгляд, ему вдруг стало жутко. И это чувство рассердило его. Ему стало даже как-то совестно и неловко, что он боится "ничтожной девчонки". Стараясь пересилить в себе неприятное ощущение и желая наказать ее за тот страх, который она смела вселить в него, он подыскивал в уме - что бы сказать ей еще злее и обиднее, от чего она бы еще больше разозлилась...

Но при первом же звуке его голоса Наташа подняла на него потемневшие глаза; выражение их было так странно, что Виктор Алексеевич вдруг оборвал начатую фразу и отошел. "Ну, девчонка!" - сказал он себе и, засунув руки в карманы, отправился в комнату Марьи Сергеевны. Старался идти своею обычною, беззаботною, слегка раскачивающейся походкой, чтобы заглушить противное чувство страха, в котором было даже совестно сознаваться себе. - «Черт знает что! - со злостью думал он. - Этого еще только недоставало..."

Недовольный собой и всем окружающим, он с досадой вошел в комнату Марьи Сергеевны.

Увидев его, Марья Сергеевна просияла и радостно рванулась навстречу. Но боль, про которую она забыла, от этого быстрого движения усилилась еще больше и заставила с глухим стоном снова опуститься на подушки. И хотя от страдания у нее мгновенно побледнело и исказилось лицо, глаза сияли таким счастьем и любовью, что болезненное выражение лица как бы исчезло под их ярким светом и сделалось незаметным.

Виктор Алексеевич взглянул на нее. Невольно вспомнил только что испугавшее его лицо Наташи: похуже... и вместе с тем так не похоже на материнское. "Да, не в маменьку! - подумал он. - Совсем не в маменьку!" И он склонился над Марьей Сергеевной, целуя протянутую к нему навстречу бледную руку.

Продолжение следует...

М.В. Крестовская.

Молодёжный раздел

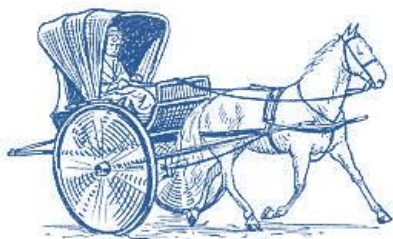

Однажды зимой

Однажды суровой и снежной зимой
С портфелем шагал я из школы домой.
Неслышно подкравшись, за щёки и нос
Так больно щипал меня жгучий мороз,
Что сам я его ущипнул бы без спроса,
Да нет у мороза ни щёк и ни носа.

Юрий Архаров.

Нарядили елку в праздничное платье:
В пестрые гирлянды, в яркие огни,
И стоит, сверкая, елка в пышном зале,
С грустью вспоминая про былые дни.
Снится елке вечер, месячный и звёздный,
Снежная поляна, грустный плач волков
И соседи-сосны, в мантии морозной,
Все в алмазном блеске, в пухе из снегов.
И стоят соседи в сумрачной печали,
Грезят и роняют белый снег с ветвей...
Грезятся им елка в освещенном зале,
Хохот и рассказы радостных детей.

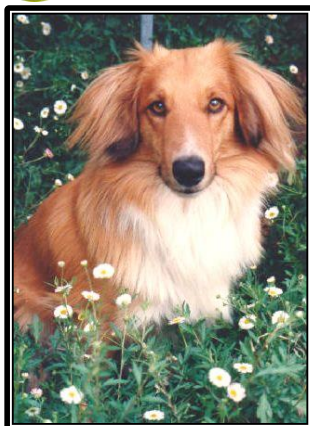
Константин Фофанов

Тузик и его друзья

На Шумном Дворе готовятся к Рождеству.

Бублик и Говорилка подбирают с травы игрушки. Дедушка Помахайкин косит траву. Из домика под Леопардом доносится аппетитный запах - это мама-Иголочка печёт пироги.

Папа-Лобик поставил ёлочку и зажёл на ней разноцветные лампочки.

Гномики начали украшать ёлку. Первым делом посадили на ветку свою любимую бумажную фею. А как же, обязательно: эта фея все секреты знает; правда, она *почти* никогда секретов не выдаёт... После этого Бублик и Говорилка стали развешивать игрушки и блестящую канитель, ведь Дед Мороз старенький, ему нужно помогать.

Тузик и Матильда Леопольдовна следят за порядком - смотрят, чтобы гномики не шалили, чтобы Рябушки очень громко не кудахтали, чтобы Леопард опять не начал сбрасывать на траву листья...

Наконец всё готово: на Шумном Дворе чистота; и ёлочка получилась красивая, вся разноцветными огнями сверкает... глядишь - не наглядишься.

Бублик и Говорилка очень устали: день был очень жаркий, ведь Рождество в Австралии - это не зима, это австралийское лето, а возились они с утра...

Малыши поставили на стол у двери лимонад для Деда Мороза, пряники оленям, и сами улеглись в кроватку. Уснули сразу.

Давно уже уgomонились в курятнике Рябушки. Потом уснули дедушка Помахайкин и папа-Лобик. Наконец Мама-Иголочка закончила печь пироги, и погасила в домике свет.

В домике тихо. Матильда Леопольдовна дремлет возле детской кроватки. Тузик лежит у порога - слушает, как малыши похрапывают.

Вдруг Тузик поднял ухо и насторожился: что за шорох?

Тихонько, чтобы не разбудить Бублика и Говорилку, Тузик встал и обошёл Шумный Двор. Видит - у калитки стоят два оленя, один из них почему-то ножкой топает. Рядом с оленями - тележка с подарками, а в тележке Дед Мороз сидит.

- Как? На телеге? Ты же Дед Мороз, - удивился Тузик.

- Всё правильно, - сказал Дед Мороз. - Но разве можно в Австралии на санях ездить?

Один олень сказал:

- Пока мы везли сани по снежному русскому лесу, всё было хорошо. Но потом мы помчались - мимо звёзд и луны - к австралийскому лесу, то есть, к «бушу», и оказалось, что дальше на санях ехать нельзя. Ведь у вас нет снега...

- Да. Почти нет снега. Разве что на юге - высоко в горах; но там сейчас, наверное, совсем не холодно, - кивнул головой Дед Мороз и вытер платком лицо. - А я везу подарки. Вот и пришлось переложить все подарки в телегу. Только у телеги начало скрипеть колесо... как бы не отвалилось.

Другой олень сказал:

- Я ножку поранил, пока бежал с телегой. И очень хочу пить. Мы все хотим пить...

- Да, да, надо поскорее принести воды! Как же я сразу не догадался? - сказал Тузик и побежал к домику под Леопардом.

В это время в домике под Леопардом послышались шорохи.

- Бублик, а, Бублик... что это за шум во дворе? - сонным голосом позвал братишку Говорилка.

Бублик протёр глаза. Зевнул. И вдруг с удивлением сел в кроватке:

- Может, чужая лошадка заблудилась? Может, она случайно зашла к нам во двор?

И тут под окном малыши услышали голос Тузика:

- Вставайте, скорее! Надо Деда Мороза и оленей выручать!

Подбежала Матильда Леопольдовна.

- Все хотят пить. И ещё - надо оленю ножку лечить!

Гномики быстро вылезли из кроватки. Выглянули во двор. Темно.

- Значит так... - сказал Говорилка: - я беру ведёрко с водой.

- Я тоже хочу помогать: я понесу лимонад для Деда Мороза, - сказал Бублик и взял со стола стакан.

Матильда Леопольдовна положила в сумочку бинт и мазь.

- Тузик, ты будешь помогать мне лечить оленя...

Наконец все заботы позади: Дед Мороз отдохнул; больная ножка оленя зажила; все напильники водички; Тузик проверил, и смазал колесо - чтобы не скрипело...

Когда прощались, один олень положил голову на плечо Бублику. Другой олень потрогал носом Говорилкины щёчки (так он гномика поцеловал). Дед Мороз отнёс подарки к домику под Леопардом и оставил у двери. Потом ласково погладил малышей по головкам и сказал:

- Спасибо, детки, что нам помогли. А теперь идите спать. На подарки посмотрите завтра - в день Рождества, а сейчас не подглядывайте...

Дед Мороз уселся в тележку, олени топнули ножками - и поехали дальше, отвозить подарки другим детям.

Утром гномики очень удивились: что за чудеса, все подарки аккуратно лежат под ёлкой! Но ведь Дед Мороз оставил их ночью у двери. Кто же положил подарки под ёлку?

Мальши задрали головы - смотрят на ёлку. А там - на верхней ветке - их любимая бумажная фея. Фея смотрит на гномиков, улыбается. И вдруг весело рассмеялась...

Бублик и Говорилка знают, что фея *почти* никогда секретов не выдаёт. И всё-таки стоят и ждут.

А вдруг? Может, на этот раз скажет?

СОДЕРЖАНИЕ

Предновогоднее (стих. А.В. Семёнов)	1
Зима (стих. К. Бальмонт)	1
Зима «Январского леса...» (стих. С.А. Смоляков)	2
Зима - это север... (стих. А.В. Семёнов)	2
Ода петуху (стих.-шутка, Н.П. Гребенюкова)	2
О празднословии (проповедь, Св.-Лука Войно-Ясенецкий)	3
Помолись за меня (стих. Ю. Берг)	4
Тайны старых книг (очерк, Т. Гладких)	5
Из записной книжки старого педагога (рассказ, А.П. Чехов)	6
В.К. Невярович - «Лебединая песня» - Лебединая песня; Задумался Никитин;	7
Димитрий Солунский; Вериги; Суд памяти;	8
Где б добыть нам...; Октябрьская роза; Притча о счастье; Старость;	9
Крещение козла; Монах-пьяница;	10
О мече и праведности (продолжение, Ильин)	11
Снежинка (стих. К. Бальмонт)	14
Какая ночь! (стих. А.С. Пушкин)	14
Где сладкий шепот... (стих. Евг. Баратынский)	14
Письма издалека (рассказ, Тэффи)	15
Зеркала (стих. А. Дементьев)	16
Я помню всё... (стих. В. Колабухин)	16
На чужбину (рассказ, Л.А. Авилова)	17
Зимнее небо (стих. П. Грызлов)	19
Он не страдал... (стих. Эд. Асадов)	19
Рыбья любовь (рассказ, А.П. Чехов)	20
Королева Арбата (очерк, Герм. Ануфриев)	21
Мне снилась женщина... (стих. В. Еращенко)	23
Утешитель (рассказ, Тэффи)	24
Прощальная примета (стих. Терентий Травникъ)	25
Разноцветный октябрь... (стих. Ю. Берг)	25
На льдинах плывут свечи (рассказ, Евг. Жарков)	26
Попугайчик (рассказ, Ф.М. Овиенев)	28
Золотая вода (науч. фантастика, П. Подзоров)	30
Люби лишь то... (стих. В. Набоков)	31
Волк или медведь (очерк, В.Д. Ирзабеков)	32
Сиянье люстр... (стих. И. Бунин)	36
Саломея (роман, А.Ф. Вельтман)	37
Любовь и ревность (стих. В. Колабухин)	44
Письма читателей	45
Зима. Что делать нам... (стих. А.С. Пушкин)	46
Первый снег (стих. И. Бунин)	46
Ранние грозы (рассказ, М.В. Крестовская)	47
Молодёжный раздел - Однажды зимой... (стих. Ю. Архаров)	56
Нарядили елку... (стих. К. Фофанов)	56
Тузик и его друзья (Т. Малеевская, рис.с Интернета)	57

Над номером работали: редактор Т.Н. Малеевская.

Журнал можно приобрести в редакции «Жемчужины» - 0404-559-294. А также в прицерковных киосках Св.Николаевского Кафедрального Собора, Св.Серафимовского храма и Св.-Владимирской церкви (Рокли) в Брисбене, в киоске Покровского Кафедрального Собора в Мельбурне, а также - З.Н. Кожевникова (02) 9609-29-87

ВНИМАНИЕ !

Готовится к изданию сборник стихов, рассказов и путевых заметок Т.Н. Малеевской.

Приблиз. дата выпуска - в первой половине 2017 г.

За справками обращаться – tamaleevpearl@gmail.com

Т. Малеевская
«Страна отцов»
«Серебряный город»
«Душенька»:

А также книга

В.А. Малеевского «Претенденты на Российский Престол»

За справками обращаться:

(07) 3161-49-27

или

tamaleevpearl@gmail.com

Литературный кружок «Жемчужное Слово»

<http://zhemchuzhnojeslovo.yolasite.com>

Сайты связанные с журналом «Жемчужина»

* Электронная версия журнала «Жемчужина»
<http://zhemchuzhina.yolasite.com>

* Новый сайт «Русское Зарубежье», посв. Харбинцам и послевоенным эмигрантам из Европы –
<http://russkojazarubezhje.yolasite.com>

Также личный сайт автора –
tamaleevwriting.yolasite.com

